

Вопросы
теории познания
диалектического
материализма

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра диалектического материализма

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Межвузовский сборник научных трудов

Под общей редакцией Ю.П.Ведина

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1978

Тематика статей, публикуемых в республиканском межвузовском сборнике, охватывает:

1) общие вопросы теории познания (роль категориальной структуры мышления в синтезе знаний, условия истинности познавательных образов, роль практики в познании);

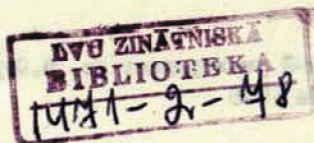
2) методологические вопросы научного познания (инвариантность факта как формы эмпирического знания, наглядность и простота модели как средства исследования, идеальное и субъективное в познании и практике).

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки от 12 мая 1978 года

© Латвийский государственный университет им. П.Стучки, 1978

В 10502-058y I63-78
М 812(II)-78

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИСТИННОСТЬ СУЖДЕНИЙ

Для истинности суждения необходимо, чтобы его содержание, т.е. заключенная в нем концептуальная (понятийная) картина, верно изображало, воспроизводило описываемую предметную ситуацию, и было отнесено именно к этой, а не иной предметной ситуации. Отнесенность содержания суждения к описываемой им предметной ситуации осуществляется присущей суждениям и другим образам сознания интенцией. Здесь принимается попытка раскрыть механизм интенциональности (т.е. обладания интенцией) и описать связанные с ним необходимые (хотя и не достаточные) условия истинности, а также рассмотреть в аспектах этих условий некоторые логические парадоксы.

Не вдаваясь в анализ логико-гносеологической интерпретации интенциональности Brentano и Husserl, ограничимся самой общей характеристикой интенции, достаточной для выявления механизма отнесения содержания суждения к описываемой предметной ситуации.

Интенция представляет собой интеллектуальное отнесение психических феноменов к предметам (вещам, себе самому, другим психическим феноменам). Она является конститутивным фактором образов сознания и потому формируется в процессе возникновения сознания. В своём генезисе интенциональность опирается на предметность непосредственных чувственных феноменов — ощущений, эмоций.

Ощущения животных, вычленяемые полем их внимания при посредстве ориентировочного, пищевого и других рефлексов, в единстве с перцептуальными пространством и временем, в которых они даны и упорядочены (соответственно взаимному отношению вещей и событий в объективном пространстве и

сущность

и времени), образуют исходный континуум чувственного многообразия. В последнем еще нет различия себя и среды в форме противопоставления себе воспринимаемых вещей. В этом смысле чувственное отражение у животных синкретично. Тем не менее, определенная информация о среде и самом себе, содержащаяся в ощущениях и эмоциях животных, вычленяется и достаточно адекватно оценивается психическими поведенческими моделями. В противном случае адаптации к среде, биологическое выживание для них были бы исключены.

Основой использования вышеупомянутой информации животными в своем поведении служит предметность ощущений и эмоций. Она заключается в чувствовании существования ощущаемых вещей и самого себя. Предметность как чисто-чувственная, доинтеллектуальная форма отражения существования, присуща и чувственности человека. Рефлексия, осознание предметности ощущений составляет непосредственный источник интенциональности.

Выделение людей из природы посредством труда нашло опору и выражение в раздвоении, поляризации исходного континуума психических феноменов на принадлежащие "я" и относящиеся к "не-я", к среде, - т.е. в возникновении сознания и самосознания. "Я" образуется как средоточие и носитель органических ощущений, эмоций, желаний, сознаваемых как состояния "я", тогда как относящиеся к среде чувственные феномены образуют "не-я". Этот континуум чувственных феноменов, противостоящий "я" в силу его мыслящего рассмотрения (без чего нет и его осознания), членится средствами категоризации на вещи, их свойства и отношения, так что формирующиеся при этом восприятия как перцептуальные пространственно-временные синтезы ощущений принимаются за сами внешние вещи. Эта иллюзия возникает как совместный продукт предметности ощущений и категоризации их континуума, т.е. его непосредственным осознанием. Здесь еще нет сознания или квалификации вещей как комбинаций ощущений, поскольку требуемого для этого различения восприятия и воспринимаемой вещи, а тем самым и

возможности их отождествления нет, и на уровне непосредственных чувственных образов не может быть. Чтобы чувствовать различие между восприятием вещи и самой вещью, необходимо было бы иметь какое-то второе восприятие вещи (т.е. иметь восприятие вещи в качестве оригинала и восприятие её восприятия в качестве копии этого оригинала), что невозможно.

Вместе с тем рассматриваемая иллюзия совершенно необходима для эффективной практической ориентации человека в окружающем мире, так как категоризация континуума ощущений на вещи и т.п. воспроизводит более или менее адекватно реальную структуру материальной среды. Из этой иллюзии происходит наивный реализм, для которого присуще отождествление восприятия (чувственного образа) с воспринимаемой (отражаемой) в нем вещью. На этом отождествлении спекулирует субъективный идеализм, выдающий свою точку зрения за адекватное воспроизведение "реализма всякого простого человека не искаженного философскими "домыслами" материализма с существованием внешних вещей как отличных от их восприятий. Но если субъективный идеализм "вносит" вещь, отождествленную с восприятием, сведенную к нему, в сферу сознания, то наивный реализм, наоборот, "выносит" восприятие вещи за пределы сознания, отождествляя его с вещью, сводя его к вещи.

Различение вещи и ее чувственного отражения осуществляется не на уровне непосредственного сознания с его спонтанной категоризацией континуума ощущений на основе их предметности, а на уровне познавательного отношения человека к действительности, средствами концептуального мышления. Охватывая собой различные психические феномены в поле внимания, включая их в контекст познавательного отношения к действительности, мышление придает им интенцию - направленность психических феноменов, ставших в структуре познавательного отношения образцами сознания, на сознаваемые посредством них предметы мысли (как материальные, так и идеальные).

Интенциональность сопряжена с более высоким уровнем

поляризации "я" и "не-я" по сравнению с непосредственным сознанием, в котором восприятия принимаются за сами воспринимаемые вещи. Познавательное отношение, осуществляемое мыслящим рассмотрением вещей, ставит психические феномены в двоякую отнесенность. С одной стороны, они осознаются в отнесенности к единому сознанию как достояние одного и того же "я". Корреляция вычленяемых полем внимания субъекта многообразных психических феноменов с одним и тем же "я" есть необходимое условие сознания вообще. При познавательном отношении не только органические ощущения и эмоции сознаются как принадлежащие одному и тому же "я", — такими сознаются теперь также и восприятия. Без сознания субъектом своих восприятий, эмоций, представлений и других психических феноменов как его собственных, ему принадлежащих, никакой опыт и никакое познание невозможны (ср. рассуждения Канта о первоначально-синтетическом единстве апперцепции [I, с. 190-197]). С другой стороны, психические феномены в познавательной ситуации сознаются и как отнесенные к чему-либо внешнему к ним — внешним вещам, частям тела, к другим психическим феноменам, т.е. как обладающие интенцией.

Предметность ощущений есть их собственный компонент, и различается по степени выраженности в различных ощущениях. В отличие от нее интенция психических феноменов не имманентна им, она им придается концептуальным мышлением, осуществляющим категоризацию уже не континуума ощущений, а предметов интенции образов сознания. При этом категоризации предметной области интенции образов сознания не всегда совпадает как со спонтанной категоризацией континуума ощущений, так и с объективной структурой категоризируемой предметной области. Степень выраженности интенции зависит от ясности, отчетливости мышления, которым она конституируется. Вслучае мышления предметно (т.е. мысль ни о чем не существует), поэтому само интенционально, и этот характер свой необходимо придает всем психическим феноменам, которые оно включает в познавательный процесс как образы сознания, служащие ис-

точником сведений о предмете познания, или его моделями. Тем самым интенция, не являясь компонентом исходного психического феномена, становящегося образом сознания, является функциональным свойством последнего. Образ сознания и концептуальное мышление нераздельны, одного нет без другого. Вне мышления образ сознания утрачивает свое качество и деградировать на уровень психического феномена. Но мышление не может оперировать психическими феноменами, не придавая им интенцию, т.е. не возвышая их тем самым на уровень образов сознания.

Традиционное представление о двухчленной структуре интенциональности (интенция образа сознания - предмет интенции) нивелирует противоположность материальных и идеальных, реальных и воображаемых предметов как объектов интенции образов сознания. Поэтому целесообразно в механизме интенциональности различать три члена: интенцию образа сознания, интенциональный предмет (репрезент в сфере сознания предмета интенции) и предмет интенции.

Интенция образа сознания не может проецировать содержание образа прямо и непосредственно на предмет интенции, - последним может быть материальное или идеальное явление, воображаемое явление, событие прошлого и т.п. Поэтому предмет интенции образа, в отличие от самого образа, представлен (репрезентирован) в сознании его интенциональным "имением в виду" - представлением о предмете интенции как существующем в определенном "месте" фиксированной системы явлений (материальных, идеальных или тех и других).

Интенция законченных мыслей (суждений, вопросов, предположений, предписаний) присуща не их логической структуре, а содержанию, т.е. концептуальной картине, которая утверждается, вопрошается, предполагается, предписывается. Логическая структура лишь модифицирует интенцию, присущую содержанию законченной мысли, придавая интенции оттенок утверждения, вопроса и т.п.

Суждению, в отличие от других форм законченной мысли,

присуща декларация - утверждение адекватности содержания описываемой им предметной ситуации. Декларация суждения предполагает (или включает в себя) утверждение существования предметной ситуации, репрезентируемого интенциональным предметом суждения.

Существование многообразно и допускает классификацию по разным основаниям. Для наших целей необходимо разделить существование прежде всего на предметное (как существование объектов, которые являются или могут стать предметом интенции образов сознания) и интенциональное (как представляемое существование предмета интенции, репрезентируемое интенциональным предметом).

Предметное существование подразделяется на реальное и воображаемое, реальное - на действительное и возможное. Таким образом, предметное существование подразделяется на три сферы - сферу действительного, возможного и воображаемого существования.

Действительным предметам, материальным и идеальным, присуще актуальное наличие в прошлом или настоящем. Они образуют основу возможных, потенциальных предметов, характеризующихся тем, что они в будущем (относительно фиксированного времени) могут (или могли) стать действительными. Действительность не исключает реализацию возможностей, допускает превращение предметов в действительность путем собственной трансформации.

Воображаемые предметы не имеют реального существования, их нет ни среди действительных, ни среди возможных вещей. Они существуют лишь в сознании как конструктивные предметы (конструкты), причем исключительно в качестве предметов интенции образов сознания. Представление русалки или абсолютно жесткого стержня обладает действительным существованием. Но предметы интенции этих представлений - русалка и абсолютно жесткий стержень - являются воображаемыми предметами (здесь мы отвлекаемся от существенных различий между продуктами религиозной фантазии и идеальными объек-

тами, конструируемыми в науке). Они не просто предметы, которые можно вообразить (вообразить, наглядно представить можно и реальные предметы), а только такие, реальное существование которых исключается объективными законами природы и общественного развития. Кентавры и единороги, как мифические существа, являются воображаемыми предметами. Но если мы будем представлять их как возможные живые существа, то они могут быть признаны воображаемыми предметами при условии доказанности того, что формирование подобных видов животных, включая разумных (кентавров), исключается законами биологии и биологической эволюции. Но почему бы не могли возникнуть единороги, отличающиеся от лошадей только тем, что имеют рог на лбу?

В отличие от рассмотренных видов предметного существования, интенциональное существование заключается в репрезентации вида предметного существования, способа существования предмета интенции. Интенциональный предмет не является ни действительным, ни возможным, ни воображаемым предметом. Механизмом интенциональности он не выделяется как особый предмет, имеющий предметное существование. Он вообще не представляется, так как служит лишь средством представления предмета интенции, формой данности последнего сознанию, способом сознания бытия предмета, отражаемого образом сознания. Поэтому, например, размышление о некотором предмете остается размышлением о нем, а не его интенциональном репрезенте в сознании, хотя это размышление и возможно лишь при посредстве интенционального предмета. Конечно, и сам интенциональный предмет (как в данном рассуждении) может быть предметом интенции образа сознания, например, суждения о нем. Но тогда он перестает быть интенциональным предметом, — предстает как психический феномен с приданной ему функцией репрезентации предмета интенции, т.е. как реальный (притом идеальный) предмет, составная часть механизма интенциональности образов мышления.

Предмет интенции, каким бы он ни был, реальным или

воображаемым, обладает только предметным существованием, а существование, которое приписывается ему интенциональностью образа сознания, составляет лишь определенную часть содержания интенционального предмета. Интенциональное существование, как переживание способа существования предмета интенции, подразделяется также на действительное, возможное и воображаемое. Как лишь переживаемое субъектом, интенциональное существование может и не соответствовать репрезентируемой им форме предметного существования. Так, интенциональность образа Зевса в сознании древнего грека "помещала" Зевса в сферу действительного существования, так что здесь имело место расхождение интенционального существования с предметным (которое является воображаемым).

Соотношение между интенциональным и предметным существованием определяет возможность адекватности образов сознания вообще, истинности суждений в частности. Для того, чтобы суждение могло быть истинным, описываемая в нем предметная ситуация должна находиться в той сфере предметного существования, которая полагается интенциональностью. Это необходимое, хотя и недостаточное условие истинности суждения. Если в лесу мы видим животное и полагаем, что это - корова, то в нашем сознании может возникнуть суждение о принадлежности этого животного к парнокопытным. Интенциональная предметная ситуация (интенциональный предмет) будет при этом репрезентировать, представлять действительное существование. Последнее объективно соответствует предметной ситуации, которую мы, по предположению, наблюдаем. Наше суждение будет истинным, если видимое нами животное и на самом деле является коровой (или другим парнокопытным), но ложным, если оно является лошадью. Если же предметная ситуация не находится в той сфере существования, которая представляется интенциональной предметной ситуацией, то этого будет достаточно (но не необходимо) для ложности суждения.

Сфера существования, репрезентируемая интенциональной предметной ситуацией, полагаемой содержанием суждения и

других форм законченной мысли, может быть как выражена в предложении, так и лишь подразумеваться. В предложениях "Возможно, завтра произойдет морское сражение" и "Быть может, динозавры вымерли из-за ухудшения условий для размножения" репрезентация интенциональной предметной ситуацией сферы возможного существования (возможного положения дел) находит языковое выражение посредством терминов "возможно", "быть может". В высказывании "Согласно древнегреческой мифологии, Зевс сверг своего отца Крона" выражение "согласно древнегреческой мифологии" выполняет функцию репрезентации интенциональной предметной ситуацией высказывания "Зевс сверг своего отца Крона" сферы воображаемого существования. Во многих случаях интенционально определяемая сфера существования предметной ситуации, описываемой суждением, не находит языкового выражения. В поэзии широко используются образы древнегреческой мифологии - богов и героев, но при этом подразумевается не реальное, а воображаемое существование последних. Суждения о действительных, возможных или воображаемых предметных ситуациях могут быть выражены в предложениях, словарный состав которых не позволяет определить, к какой сфере предметного существования относятся мыслимые предметные ситуации. Поэтому вопрос об истинности или ложности таких суждений не может решаться в отвлечении от контекста, в котором они высказываются. В повествовании древнего грека, верящего в мифы, высказывание "Аполлон и Артемиды являются близнецами, рожденными Латоной от Зевса" содержит ложное суждение, так как его интенциональность помещает описываемую воображаемую предметную ситуацию в сферу действительного существования. В контексте рассуждения современного исследователя древнегреческой мифологии то же предложение будет выражать истинное суждение, поскольку в его мышлении интенциональностью этого суждения описываемая предметная ситуация будет относиться к сфере воображаемого существования.

В этой связи требуется аккуратность при формировании

высказываний о существовании или несуществовании реальных или воображаемых предметов, иначе может возникнуть "парадокс существования": если высказывание "Пегас не существует" признается истинным, то тогда он должен быть признан существующим, иначе нельзя было бы отрицать его существование. И.С.Нарский пришел к заключению, что значение термина "существование", т.е. существование вообще, не предиктируемо (см. 4, с. 181-184). Действительно, если в высказывании "Пегас не существует" термин "существует" интерпретируется в смысловом значении принадлежности к существованию вообще, без определения сферы существования, то суждение, заключенное в этом высказывании, окажется абсурдным. В нем мыслилось бы несуществование существующего предмета мысли. Пегас существует хотя бы как представляемый денотат имени "Пегас", т.е. в воображении - как крылатый конь, вышедший из тела Горгоны Медузы вместе с потоками крови после того, как Персей отрубил ей голову. Абсурдность отрицательных экзистенциальных высказываний при интерпретации термина "существование" в значении существования вообще, состоит в том, что в нем отрицается существование предметов, известных или представляемых нами. Но ничто мыслимое нами не может находиться вне существования вообще, а непременно находится в одной из сфер существования, хотя бы воображаемого. Существование вообще, существование как таковое не образует особого вида существования наряду с действительным, возможным или воображаемым существованием. Если бы кроме многообразных деревьев существовали деревья вообще, образующие особый класс деревьев, то предложения "Береза является деревом" и "Береза не является деревом" были бы парадоксальными, по крайней мере двусмысленными. Суждение, выражаемое предложением "Береза является деревом" истинно, если предикатный термин "дерево" употребляется как имя неопределенного класса всевозможных реальных деревьев, и ложно, если он употребляется как имя неопределенного представителя вышеперечисленного класса деревьев вообще.

Интенциональностью всякого суждения описываемая предметная ситуация полагается существующей не вообще, а в одной из сфер существования - действительного, возможного или воображаемого. Суждение, выражаемое предложением "Пегас не существует", как мыслимое определенным субъектом, полагает на самом деле Пегаса наличным в определенной сфере существования. В высказывании современного достаточно информированного человека о несуществовании Пегаса подразумевается, что Пегас не существует в действительности, и потому оно истинно. Если же предложение "Пегас не существует" контекстуально интерпретируется как высказывание о том, что Пегас не существует в воображении (что его нет среди мифических существ), то выражаемое им суждение будет ложным.

Несколько иной характер имеют трудности, связанные с истинностной оценкой высказываний об идеализированных и математических объектах (конструктах), - таких, как идеальный газ, абсолютно черное тело, трехмерный куб и четырехмерный куб, действительное и мнимое число и т.п. Высказывания "Абсолютно жесткий стержень укорачивается в направлении своего движения", "Прямоугольник имеет равные диагонали" и им подобные можно было бы рассматривать как сокращения контрфактических высказываний, связанных с предположением реального существования таких объектов ("Если бы абсолютно жесткий стержень существовал в действительности, то он укорачивался бы в направлении своего движения" и т.п.). Однако таким способом можно было бы рассматривать и высказывания о мифических существах. От последних идеализированные объекты науки отличаются тем, что конструируются в сознании при ограничениях на воображение и фантазию, налагаемых уже известными нам объективными законами и свойствами реальных вещей и явлений. Во многих случаях такие воображаемые объекты наделяются характеристиками, представляемыми в виде доведенных до предельных значений реальных характеристик объектов действительности. Поэтому утверждения о таких конструктах можно трактовать как косвенные утверждения о

самой действительности, содержащие специфическое познавательное отражение реальных явлений, присущих им законам, связей, свойств. Тем не менее, в случае интенционального отнесения содержащихся в таких суждениях концептуальных картин к сфере действительного существования, они должны быть признаны ложными.

В этой связи представляет определенный интерес концепция существования, предложенная Р.Карнапом. В ней вопросы о существовании связываются с "языковыми каркасами", своими терминами и правилами задающими системы объектов. Эти вопросы делятся на внутренние (о существовании или несуществовании объектов в системе, заданной данным языковым каркасом) и внешние (о существовании или несуществовании самой системы объектов). Так, каркас вещного языка определяет систему (мир) вещей, каркас языка натуральных чисел — систему натуральных чисел и т.п. Внутренние вопросы о существовании объектов, в зависимости от того, является ли каркас фактическим или логическим, решаются эмпирическими или логическими методами. Вещь существует в системе, задаваемой каркасом вещного языка, если эмпирическими методами устанавливается наличие этой вещи в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признаваемых правилами каркаса реальными. Существование простого числа больше устанавливается логическим анализом, основанным на правилах языкового каркаса для описания натуральных чисел. Только внутренние вопросы о существовании признает Карнап осмысленными, научными, тогда как внешние вопросы (о существовании самих систем объектов, задаваемых определенным языковым каркасом) он объявляет метафизическим, не теоретическим, лишённым познавательного содержания и вообще неправильно представленным. "Быть реальным в научном смысле значит быть элементом системы; следовательно, это понятие не может осмысленно применяться к самой системе", — постулирует Карнап [2, с. 301]. Объявляя внешние вопросы о существовании ненаучными, Карнап нивелирует различие в способах существо-

вания объектов разных систем, задаваемых вещным, феноменальным, математическим или мифологическим языком. Существование Луны в системе вещей оказывается идентичным по своей природе существованию восприятий в системе восприятий, пяти в системе натуральных чисел или кентавра Песса в системе древнегреческих мифических существ. Концепция Карнапа с ее "принципом терпимости" в допущении разнообразных языковых каркасов направлена на исключение философских вопросов о существовании и его формах, об объективной реальности и отношении к ней нашего сознания с его многообразными феноменами. Вместе с тем в ней заслуживает внимания сама постановка вопроса об обосновании возможности иметь истинностные значения (в рамках определенных языковых каркасов) для утверждений о воображаемых, "абстрактных" объектах. Так, высказывание "Сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым углам" истинно в языковом каркасе геометрии Эвклида и ложно в каркасе геометрии Лобачевского; высказывание "Пегас не существует" истинно в вещном и ложно в мифологическом языковом каркасе.

Учет интенциональности суждений может быть полезен также для анализа логических парадоксов (теории множеств и семантических).

Принципиальное значение имеет парадокс Рассела. Он связан с использованием понятия класса всех собственных классов. "Собственным" называют класс, не содержащий себя в качестве своего элемента. Таковы классы деревьев, квадратов и т.п., — класс деревьев не есть дерево, класс квадратов не есть квадрат. "Несобственными" называют классы, которые, по предположению, содержат самих себя в качестве своего элемента. Полагают, что таков класс всех классов, класс всех понятий. Очевидно, однако, что класс всех понятий не есть понятие, и лишь класс всех классов может мыслиться как класс. Относительно класса всех собственных классов (получившего название "расселовского класса") и ставится вопрос о том, каким он является — собственным или несобственным.

Если расселовский класс является собственным, то он должен быть отнесен к несобственным классам. Если же он является несобственным, то будет собственным. В этом состоит парадокс.

Кажется убедительным изложение парадокса Рассела средствами символического логического языка, приводимое, например, Х. Карри [см. 3, с. 21-22]. Воспроизведем это изложение с некоторыми изменениями в символике. Пусть \mathcal{R} означает расселовский класс, $x \in y$ - высказывание о том, что x есть член класса y , \equiv - отношение эквивалентности, \sim - отрицание (" $\sim a$ " означает то же самое, что и "неверно, что a "). Тогда, по определению расселовского класса, $x \in \mathcal{R} \equiv \sim(x \in x)$. Подставляя \mathcal{R} вместо x , получим $\mathcal{R} \in \mathcal{R} \equiv \sim(\mathcal{R} \in \mathcal{R})$. Здесь явливо логическое противоречие - утверждение эквивалентности высказывания своему отрицанию.

Но приведшая к нему подстановка некорректна в силу нерефлективности отношения принадлежности элемента классу (которое также асимметрично и нетранзитивно). Элемент не может принадлежать самому себе в качестве собственного элемента. Даже класс, состоящий из одного элемента, не совпадает с этим единственным своим членом, не является им, иначе этот элемент был бы также классом. Элемент есть элемент лишь в отношении к некоторому классу. Аналогично, класс не может содержать себя в качестве своего члена. Он может включать себя в качестве собственного подкласса. Однако включение класса в класс не тождественно принадлежности элемента классу. Следовательно, высказывание $a \in a$ ложно или бессмысленно, будет ли a именем элемента некоторого класса, или именем класса. В выражении $x \in \mathcal{R}$ вместо x можно подставить только имена предметов, которые являются или могут быть элементами \mathcal{R} . Парадокс (в рассматриваемом изложении на символическом языке) возник потому, что символ x весьма вольно рассматривался как переменная для всевозможных имен, без различия переменных для имен элементов и переменных для имен классов. При описании логических форм существенно раз-

личие переменных разных категорий — переменных для имен индивидов, для имен классов, для предложений. Несоответственные подставки констант вместо переменных в логические выражения могут приводить к возникновению абсурдных, бессмысленных высказываний.

Из сказанного следует, что понятие неособственного класса содержательно противоречиво, так как никакой реальный класс не может быть своим элементом. Нособственный класс подобен стаду баранов, в котором в качестве "барана" разгуливает само это стадо. Тогда один из баранов, сбежавший из стада, должен сбежать и из того "барана", который есть стадо; само стадо, в качестве своего элемента, должно иметь возможность отделиться от себя самого, более того, в качестве барана (ибо согласно понятию стада его элементами, членами могут быть только животные) убежать из себя самого и от себя самого. Таким образом, неособственный класс является воображаемым, а не реальным классом. Он подобен классу круглых квадратов, русалок, мудрых телеграфных столбов и т.п.

Воображаемым является и расселовский класс. Реальный класс может быть только собственным. Чтобы быть реальным, расселовский класс не должен содержать себя в качестве своего элемента. Но расселовский класс, мыслимый как класс всех собственных классов, представляется содержащим помимо реальных (собственных классов) также и себя самого, в силу чего он является неособственным, воображаемым. Расселовский класс подобен упомянутому стаду баранов, игроку баскетбольной команды, который выше всех игроков своей команды (тем самым выше себя самого).

Заметим, что в отличие от класса всех собственных классов, класс собственных классов (т.е. всех собственных классов, за исключением объединяющего их класса) является собст-

венным, реальным. Понятие такого класса, в отличие от понятия расселовского класса, не содержит логического противоречия.

Семантическим контекстом парадокса Рассела полагается, что допущения "Класс всех собственных классов является собственным" и "Класс всех собственных классов является несобственным" описывают возможные, т.е. реальные предметные ситуации, и потому могут быть истинными. В этом контексте предполагается реальное существование не только собственных (что верно), но и несобственных классов. Но описываемые приведенными высказываниями предметные ситуации на самом деле являются воображаемыми. Так как расселовский класс является воображаемым, то ситуация его принадлежности классу собственных, т.е. реальных классов, является воображаемой. Принадлежность расселовского класса классу несобственных классов, т.е. принадлежность одного воображаемого класса другому воображаемому классу воображаемых (несобственных) классов, если и имеет место, может быть только в сфере воображаемого существования. В виду расхождения сфер интенционального и предметного существования описываемых рассматриваемыми высказываниями ситуаций оба они ложны. Ситуация ложности обоих этих высказываний, исключая парадокс, аналогична примеру, приводимому Кантом: положения "Четырехугольная окружность кругла" и "Четырехугольная окружность не кругла" оба ложны [см. I, с. 163]. В парадоксе Рассела неправомерность допущения истинности обоих противоположных предположений прикрывается истинностью импликаций "Если расселовский класс является собственным, то он является несобственным" и "Если расселовский класс является несобственным, то он является собственным" (в виду ложности антецедентов и консеквентов этих импликаций).

Видимый характер парадокса Рассела и ему подобных (парикмахера, библиотечного каталога и других) можно выявить и посредством понятия пустого класса как такого, который не содержит ни одного реального предмета. Тогда и рассе-

ловый класс, и несобственный класс, и класс всех классов будут пустыми, и любые суждения о предметах пустых классов как реальных будут ложными. Последним возникновение парадокса исключается.

С иным аспектом интенциональности суждений связан "парадокс лжеца". Кто-то говорит "Я лгу" и более ничего не говорит. Если его высказывание признать истинным, то оно, соответственно своему содержанию, окажется ложным, и наоборот.

Интенциональностью простого суждения (как и любого образа сознания) исключается самоотнесенность, определенно полагается, что интенция суждения направлена на предметную ситуацию, существующую вне суждения. Она не может быть направлена ни на интенциональную предметную ситуацию (посредством которой она сама ориентируется), ни даже на логическую форму или содержание суждения. Иными словами, суждение не может содержать описание самого себя или своих элементов. Для этого требуется другое суждение. Предложение "Я лгу", если оно выражает суждение (в определенном контексте речи), может означать лишь оценку говорящим своих предшествующих высказываний. Высказывание "Я лгу" истинно, если предшествующее высказывание ложно, и ложно, если оно было истинным или его вообще не было в рассматриваемой ситуации. В любом случае парадокс не возникает.

Невозможность для суждения иметь предметом интенции само себя затеняется различными переформулировками парадокса лжеца, стремящимися направить интенцию суждения на собственное содержание. Предположим, что на одной из страниц какой-то книги напечатано единственное зрительно воспринимаемое предложение: "Суждение, выраженное напечатанным на этой странице зрительно воспринимаемым предложением, ложно". (Чтобы исключить возможность отнесения выраженной этим предложением мысли к другому суждению, выраженному быть может предложением, напечатанным на той же странице невидимой краской [см. 5, с. 58-59]). Кажется бы, возникает парадокс: признание этого высказывания истинным обязывает признать

его ложным и наоборот.

Для удобства изложения введем обозначения: A - рассматриваемое вышеприведенное предложение, a - выражаемое им суждение, S - субъективный термин "суждение, выражаемое напечатанным на этой странице зрительно воспринимаемым предложением" предложения A . Тогда A эквивалентно (по выражаемому суждению) предложению " a ложно". В суждении a утверждается наличие ложности у денотата S . Но S в предложении A не обозначает никакого определенного суждения, в отличие от таких дескрипций, как "Суждение, выражаемое предложением - "Луна кругла" или "Высказывание о том, что Луна кругла". Поэтому денотатом S является воображаемый предмет (мнимое суждение), так что S есть имя предмета пустого класса. Поскольку воображаемый предмет суждением a наделяется реальной характеристикой ложности, постольку имеет место расхождение интенционального и предметного существования описываемой ситуации (ложности мнимого, реально не существующего суждения). В силу этого суждение a ложно. Этим устанавливается непротиворечивость признания ложным рассматриваемого суждения a и исключается предположение возможности его истинности.

Допустим, однако, что S своим денотатом имеет a , так что a оказывается суждением о том, что суждение, выражаемое предложением A , ложно. Это суждение может быть выражено адекватно предложением "Суждение, выраженное предложением "Суждение, выраженное напечатанным на этой странице зрительно воспринимаемым предложением, ложно" является ложным", т.е. A должно быть признано выражающим то же суждение, что и предложение "Суждение, выраженное A , ложно". Последнее предложение выражает суждение о том, что утверждение ложности a ложно. Оно истинно, если a истинно, и ложно, если a ложно (откуда нельзя заключить, истинно или ложно оно на самом деле), так что парадокс исчезает.

Видимый характер рассмотренных парадоксов, в особенности парадокса лжеца, в известной мере прикрывается осо-

бенностями естественного языка. Последний характеризуется неоднозначной лексикой и сложной грамматикой как системой правил порождения и интерпретации правильных предложений. Предложения же характеризуются внешней и глубинной структурами, которые, в отличие от предложений формализованных языков, не всегда совпадают (что существенно ограничивает возможности машинного перевода предложений одного естественного языка на другой). Трансформационные правила, определяющие семантическую интерпретацию предложений естественного языка, овладеваются индивидами в форме навыков, не всегда обеспечивающих надлежащую интерпретацию. В естественных языках предложения, выражающие суждения о внешних явлениях, например природных, по своей внешней грамматической структуре ничем не отличаются от предложений, выражающих суждения о суждениях. Эти и другие особенности естественного языка, при неправильном пользовании им, могут способствовать смешению на семантическом уровне языкового выражения мысли с самой мыслью (например, отождествлению предложения с выражаемым им суждением), предметных высказываний с метавысказываниями.

Все же парадоксы в логике (существования, лжепа, теории множеств) получаются не из-за недостатков естественного языка и не из-за погрешностей в логической форме парадоксальных суждений и рассуждений. Их источником является семантический уровень высказываний, использование терминов, смысловое значение которых осуществляет интенциональную дезориентацию суждений, расхождение сфер интенционального и предметного существования ситуаций, описываемых парадоксальными суждениями. К парадоксам ведут рассуждения о воображаемых предметах, мнимых ситуациях (классе всех собственных классов, суждении, выражаемом предложением "Я лгу", существовании Пегаса и т.п.) как реальных.

Приведенные соображения относительно проблемы логических парадоксов не имели в виду ее разрешение. Ограниченное значение попыток исключения логических парадоксов путем

аксиоматического построения теории множеств Цермело и другими математиками, путем запретов высказываний определенного вида в рамках "теории типов" Рассела требует осторожной оценки предлагаемых анализов логических парадоксов. Однако нельзя не обратить внимания на то, что анализ логических парадоксов ограничивается логическим аспектом парадоксальных высказываний и рассуждений, и лишь отчасти касается грамматического плана выражающих их предложений естественного языка. Осторожность в отношении гносеологического анализа логических парадоксов, в известном смысле нежелание логиков рассматривать их в гносеологическом плане, — по-видимому, основная причина отсутствия согласия в вопросе о происхождении логических парадоксов и способов избавления от них. Искусственное обеднение гносеологических, логических, психологических и лингвистических аспектов анализа высказываний и рассуждений (не только парадоксальных), неизбежное и необходимое на определенном этапе исследования мышления в его познавательной функции, стало препятствием в развитии науки о мышлении.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Кант И. Критика чистого разума. Соч. М., 1964, т. 3.
2. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
3. Карри Х. Основания математической логики. М., 1969.
4. Нарский И. С. Понятие "существования", логический позитивизм и формальная логика. — В кн.: Философские вопросы формальной логики. М., 1962.
5. Уемов А. И. Антиномия лжеца и методы ее разрешения. — Вопросы философии, 1976, № 8.

РОЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОЗНАНИИ.

Преодоление созерцательности теории познания домарксовского материализма в марксистской философии сопровождалось разработкой положения об активности субъекта познания. Как отмечал К. Маркс, в предшествующей философии "деятельная сторона в противоположность материализму развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой" [I, с. I]. Анализ различных аспектов активности субъекта познания с диалектико-материалистических позиций позволил снять те абсолютизации и мистификации, которые характерны для идеалистических концепций познания. Если идеалистические концепции познания в основном рассматривали активность субъекта в теоретическом, духовном плане, то диалектико-материалистический подход в качестве необходимого и ведущего момента всякого реального познавательного процесса выдвинул практическую деятельность [см. I, с. I-4; II, с. 55].

В нашей философской литературе теоретический аспект активности субъекта познания рассмотрен достаточно полно. При этом выяснилось, что активность субъекта проявляется прежде всего в наличии категориальной структуры мышления, обеспечивающей практическую направленность результатов отражения на этом уровне. Очень важные стороны теоретической активности субъекта фиксирует гипотетико-дедуктивная модель познания, в которой ярко подчеркивается творческая природа научного познания, опережающий характер теоретичес-

кого отражения действительности.

В данной статье рассматривается другой аспект активности субъекта познания — его предметная деятельность.

В последнее время в советской философской литературе появились интересные работы, анализирующие роль предметной деятельности субъекта познания в процессе построения научной теории [см. 4; 16; 17]. Объектом исследования в этом случае стали обобщенные схемы экспериментов, отраженные научными теориями, предметный и операциональный компоненты развивающегося знания, вопрос о соотношении предметной и операциональной сторон готового научного знания, а также те конкретные физические процедуры, те материальные средства, на основе которых выявляются конкретные определенности материальных явлений. При этом было подчеркнуто, что "общественно-историческая практика входит", "выливается" как неотъемлемый онтологический компонент и в наши представления о реальности "в форме объекта" ... [4, с. 189]. Таким образом, "объект познания определен лишь относительно некоторой системы практики" [17, с. 88]. Сама же фундаментальная теоретическая схема как взаимосвязанная сеть абстрактных объектов выступает в двух аспектах: является моделью всех возможных практических ситуаций и отражает предмет исследования [см. 17, с. 96].

Иными словами, выявилось то важное обстоятельство, что всякая научная теория явно или неявно фиксирует также те предметно-практические действия, которые должны быть обязательно реализованы, чтобы исследуемый фрагмент объективной реальности обнаружил стороны и связи, отраженные в ней. Обнаружилась коррелированность многих казалось "абсолютных" параметров материальных явлений с определенными типами взаимодействий, с условиями измерения этих параметров.

Много полезных уроков в этом плане преподнесла современная физика. Так, например, в специальной теории относительности расстояние между двумя точками рассматривается как свойство двух точек и системы отсчета [см. 14, с. 64].

Предметная и теоретическая активность субъекта в процессе познания — это не получение каких-то дополнительных данных к данным "чистого", непосредственного отражения, не искажение и не деформация некоторого изначального, например, чувственного материала, а необходимое условие познания материальных явлений, обязательный компонент самого механизма отражения этих явлений. Результат познания зависит от того, насколько субъект познания в состоянии развить те или иные формы активности, насколько развиты материальные и идеальные средства реализации этих форм, насколько субъект познания в состоянии подчинить все эти средства исследованию объективной природы явлений.

Само отношение между субъектом и объектом познания в марксистской философии рассматривается как имеющее сложную структуру и опосредованное факторами, многие из которых не находятся в поле зрения познающего субъекта, выступая тем не менее средствами и условиями познания. Последние далеко не всегда фиксируются в явном виде в момент их применения, а обнаруживаются лишь в ходе ретроспективного анализа. Несостоятельность метафизической концепции познания, рассматривавшей познавательное отношение как естественно-природное и ничем опосредованное, в настоящее время очевидна более, чем когда бы то ни было.

Сложность познавательного отношения, его обусловленность факторами материального и идеального уровня, причем факторами, на первый взгляд, находящимися как бы "вне" каждого отдельного акта познания, дает основание достаточно тонким идеалистическим спекуляциям вокруг реального процесса познания, когда отражение фрагмента объективной реальности превращается чуть ли не в третьестепенный момент познания или вообще исключается из процесса познания. Объект теории в последнем случае оказывается полностью синтезированным материальными или идеальными средствами познания. Более запуганным вариантом идеализма являются концепции, в которых этот синтез приписывается материальным средствам, например,

физическим процедурам измерения. Знание объекта редуцируется к совокупности измерительных операций, примененных к нему. Соответственно, при разных физических процедурах измерения одного и того же параметра материального явления невозможно сформировать единое понятие об этом параметре [см. 8, с. 168]. В итоге получается, что теория фиксирует не свойства объекта, а наши действия с ним.

Всякая идеалистическая теория познания изображает духовное освоение познаваемых вещей как процесс "расшатывания" и "разрушения" их материальности. Познание сводится к практическому или теоретическому "освоению" предмета познания, когда его объективность низводится до уровня простой видимости. При этом, если даже и признается наличие данных, полученных в результате процесса отражения, то их значение полностью производно от внешних факторов. Так, представители философии "практики" утверждают, что истина возникает не из знания пребывающего, не из его отражения, а из того, чего еще нет, т.е. истина определяется целями и установками субъекта [см. 19, с. 91].

Критика теории отражения явно или неявно исходит из того, что отражение возможно будто бы только при отсутствии любого опосредывания, обусловливания этого процесса. Любая направленность познания, например, практическая трактуется как несовместимая с принципом отражения. Иными словами, теория отражения объявляется возможной только в качестве механической теории отражения [см. 18, с. 57].

Между тем ничем не обусловленное "чистое" отражение невозможно. Всякое отражение осуществляется на основе взаимодействия между материальными объектами. Даже в простейших случаях те определенности отражаемого объекта, которые фиксируются в изменении отражающего объекта, зависят от материальной природы последнего, от типа взаимодействия, установившегося между ним и отражаемым объектом, а также от условий, при которых осуществляется взаимодействие. Вода в жидком состоянии не может сохранить следы геометрической формы, опущенного в нее тела или предмета, ударившего по ее

поверхности. Вода же в твердом состоянии (лед) отразит некоторые особенности геометрической формы предмета, если им нанести удар по поверхности льда. Но с другой стороны, при любом взаимодействии всегда имеются какие-то определенности оригинала, которые фиксируются в отраженном объекте. Так, при погружении тела в воду объем вытесненной воды позволяет нам судить об объеме погруженного тела, а изменение температуры воды при ударе по ее поверхности позволяет получить сведения об энергии удара и т.д. При всей тривиальности приведенных примеров, на их основе можно утверждать, что выделение следа в отражающем объекте и переход от этого следа к определенностям самого оригинала возможен только при учете того типа взаимодействий, которым были связаны оригинал и отражающий объект.

В процессе отражения субъект познания выявляет определенности предмета. Отражаются только те определенности, которые так или иначе проявляются во вне, воздействуют на другие материальные явления. В то же время справедливо и обратное - не существует таких определенностей, которые не проявляются во вне. Понятие определенности (свойство, качество, содержание, сущность, структура и т.п.) имплицитно содержит в себе указание на те основные типы взаимодействий, в которых она проявляется. В этих взаимодействиях эта определенность либо остается постоянной на протяжении всего взаимодействия, либо изменяется, но во всех случаях она задает характер и результат взаимодействия.

Материальное образование, вступающее в определенный тип взаимодействия, содержит в себе совокупность определенных свойств, коррелированных с данным типом взаимодействия. Материальные образования предстают во взаимодействии как объекты определенного уровня организации материи с определенным, соответствующим этому уровню типом свойств. Любое материальное образование может вступить во взаимодействие на различных уровнях организации материи. Так, например, макротела могут включаться в механические, физические, химичес-

кие взаимодействия, причем в каждом типе взаимодействия одно и то же макротело будет характеризоваться качественно различным набором свойств.

Поскольку всякое отражение возникает на основе взаимодействия, то в процессе познания, как в процессе отражения, мы имеем дело не с самим по себе взятым фрагментом объективной реальности, а фрагментом объективной реальности, взятым в "форме объекта", т.е. отраженным с точки зрения определенных типов взаимодействия.

Познание фрагмента объективной реальности в "форме объекта" не есть уход от действительности или наделение этого фрагмента произвольными определенностями. Перефразируя известное высказывание К. Маркса, можно сказать, что во всех взаимодействиях мы лишь выявляем свойства предметов, но не создаем их. Мы можем выбрать тип взаимодействия, исходя из которого будем исследовать некоторый фрагмент объективной реальности, но от нас не зависят те определенности и связи между ними, которые в данном типе взаимодействия он обнаружит. Кроме того, необходимо учесть, что бытие материи как субстанции характеризуется понятием *causa sui*, которому объективно соответствует универсальное взаимодействие материальных явлений. Поэтому познание материального явления в "форме объекта" есть познание его в динамике реального, актуального бытия, познание его в том виде, в каком он противостоит материальным явлениям.

Всякое взаимодействие сопровождается своеобразной редукцией от бесконечного к конечному: из всего многообразия свойств, структур, уровней фрагмента объективной реальности лишь часть из них включается во взаимодействие и исчерпывающей характеристикой этого фрагмента с точки зрения данного взаимодействия оказывается этот редуцированный набор свойств, структур, уровней [см. 13, с. 16-17]. Редуцированная форма фрагмента объективной реальности и является объектом познания.

Тем самым объект познания есть не нечто произведенное

деятельностью субъекта познания, а форма бытия фрагмента объективной реальности для субъекта при условиях, выбранных или контролируемых им. Такое понимание "формы объекта" тесно связано с известным положением марксистской философии о том, что всякое явление имеет обуславливающую его сущность. Иными словами, для всякой редуцированной формы фрагмента объективной реальности, для любых его определенностей, открытых нами в ходе познавательной деятельности, имеется внутренний механизм, воспроизводящий этот ограниченный набор определенностей. В этом также проявляется правомерность представления фрагмента объективной реальности в "форме объекта", в форме "оконченной", или, как иногда неудачно говорят, огрубленной характеристики фрагмента.

Основой вычленения из материального мира объектов познания является предметно-практическая деятельность субъекта познания. Она в процессе познания сводится к установлению тех или иных связей, взаимодействий между познаваемым фрагментом объективной реальности и другими материальными объектами, в регулировании условий этих взаимодействий и т.д. Формы предметно-практической деятельности, в которые вовлекается фрагмент объективной реальности, становясь объектом познания, не являются раз и навсегда установленными, а корректируются, развиваются в соответствии с предполагаемой сущностью объекта, т.е. эти формы обусловлены также и результатами опережающей теоретической деятельности, которая в свою очередь корректируется результатами предметно-практической деятельности. Поэтому было бы поспешным утверждать, что диалектический материализм в отличие от метафизического на первое место ставит объективность деятельности, а не объективность природы [см. 4, с. 237]. На наш взгляд, в процессе познания вообще нет ни одного непосредственного, абсолютно исходного элемента. Это же относится и к предметно-практической деятельности субъекта, которая не охраняется в процессе познания в некотором изначальном виде, а существенно модифицируется по мере вычленения объективной природы познаваемых

явлений.

Результатом предметно-практической деятельности субъекта познания является преобразование фрагмента объективной реальности в форму объекта, когда выбираются и фиксируются материальные средства исследований и тем самым создается своеобразная точка отсчета для выявления определенностей этого фрагмента, с набором которых он теперь будет отождествлен [см.: 13, с.167].

Кроме того, предметно-практическая деятельность позволяет создать условия для измерения тех или иных параметров объекта. При этом объект часто приходится ставить в такие условия, при которых в естественной обстановке он не существует. Однако и в этом случае мы имеем не создание объекта исследования, а лишь создание условий для выявления конкретных его определенностей. Например, известный советский физик П.Л.Капица экспериментальные исследования при низких температурах считает более предпочтительными для выявления квантовых эффектов. "При достаточно низкой температуре квантовая природа взаимодействия между атомами может проявить ряд физических явлений, которые при более высокой температуре не наблюдаются" [10, с.25-267].

Фрагмент объективной реальности становится объектом познания, когда на основе предметно-практической деятельности субъекта познания создается некоторая система взаимодействующих материальных явлений, в которой одни связи и взаимодействия контролируют, стабилизируют условия бытия данного фрагмента, другие - являются теми "каналами", по которым передается воздействие тех или иных определенностей фрагмента объективной реальности. В тех случаях, когда отсутствуют материальные средства по созданию контролируемых условий бытия исследуемого фрагмента объективной реальности, когда не удастся путем предметно-практической деятельности привести этот фрагмент к постоянно и неоднократно воспроизводимому виду, данный фрагмент объективной реальности не преобразуется в форму объекта.

Предметно-практическая деятельность субъекта познания неразрывно связана с потребностями теоретического воспроизведения объекта. Непосредственной задачей предметно-практической деятельности субъекта познания является поиск и создание тех материальных условий, при которых фрагмент объективной реальности может стать объектом познания. С этой точки зрения некоторые предпосылки универсальности теории заключаются также в стандартизации, в эталонировании условий и средств исследования на эмпирическом уровне. Всякая экспериментальная установка наряду с непознанными явлениями обязательно включает теоретически уже освоенные элементы. Это позволяет исследуемый фрагмент объективной реальности всякий раз ставить в воспроизводимые, повторяемые от эксперимента к эксперименту условия. Применение теории на практике требует наличия специальных рекомендаций по преобразованию соответствующего этой теории положения дел в объективном мире в некоторую эталонизированную ситуацию, для которой только и справедливы положения теории.

С этой точки зрения можно выделить еще один аспект в известном положении Ф. Энгельса о том, что 100000 паровых машин доказывают не более убедительно, чем одна машина, возможность получения из тепла механического движения [см. 2, с. 543]. Именно в типичности, возможности неоднократного воспроизведения основного механизма одной паровой машины и состоит ее "доказательная" сила. Одна паровая машина с точки зрения своей основной теоретической схемы не содержит в себе ни больше, ни меньше, чем все остальные паровые машины. Осознание этого обстоятельства и позволило С. Карно отвлечься от чисто эмпирического исследования паровой машины и перейти к теоретическому исследованию обобщенной структуры машины.

Изложенное позволяет утверждать, что предметно-практическая деятельность в процессе познания необходима не только для выявления свойств фрагмента объективной реальности, но и для создания материальных условий, при которых качест-

венный тип определенностей фрагмента, их количественное значение, а также формы связи этих определенностей станут типичными, массовыми для исследуемого класса явлений и тем самым будут созданы предпосылки для перехода на теоретический уровень исследования, для формулировки общих и необходимых утверждений об этих явлениях.

Исходя из предметно-практической деятельности как обязательного компонента познания, можно конкретизировать роль чувственного созерцания в познании. Исследования советских психологов убедительно доказали, что механизм формирования ощущений наряду с периферическими аппаратами, нервными процессами, корковыми преобразованиями обязательно включает и моторные компоненты [см. 7; 9; 17]. Для возникновения чувственного образа в сознании человека необходима целая система перцептивных действий, включая его чувственно-предметную деятельность.

Механизм чувственного отражения действительности "построен" на отражение конкретных определенностей материальных явлений. Тип отражаемых свойств, детерминирован как биологическими, так и социальными факторами, причем между возможностями чувственного созерцания и потребностями познания нет непосредственной связи. Поэтому для процесса познания достаточно типичной является ситуация, когда определенности, зафиксированные в чувственном созерцании не являются объектом научного познания. В этом плане показательны развитие механической теории. Если взять, например, известные опыты Галилея, в которых исследовалось скатывание шарика по желобу в наклонной доске, то в этих опытах не проявлялись такие определенности шарика, которые в наших ощущениях фиксируются как цвет, вкус, запах. Определенности шарика, соответствующие этим ощущениям, не детерминируют форму взаимодействия шарика и деревянной плоскости, т.е. в системе связей данного опыта варьирование этих определенностей не вызывает экспериментально фиксируемые различия. В этом нет ничего удивительного, т.к. ощущения цвета, вкуса, запаха фор-

мируются на основе электромагнитных, механических, химических и может быть даже квантово-механических взаимодействий, которые однако не входят в схему данной экспериментальной установки, а следовательно, не представлены в той "схематизации" фрагмента объективной реальности, которая открывается на основе механических взаимодействий.

В результате возникает своеобразная "несоизмеримость" чувственной и теоретической картин фрагмента объективной реальности. Галилей, осознав это различие чувственного и теоретического отражений явлений, писал, что он не чувствует разумной необходимости в том, чтобы материя "была белой или красной, горькой или сладкой, звучащей или беззвучной, обладала приятным или неприятным запахом. Эти определения несущественны для нее" [5, с.224].

Различие между чувственной картиной фрагмента объективной реальности и его теоретическим отражением объясняется не только обобщающей, опосредующей функцией мышления, его категориальной структурой, но и самой онтологией познания. Определенности чувственной и теоретической картин выявляются на основе качественно различных типов взаимодействий, на основе различных форм предметной деятельности субъекта познания. В общем случае те определенности материальных явлений, которые проявляются во взаимодействиях на уровне чувственного отражения, не обязательно должны проявляться в предметно-практической, например, экспериментальной деятельности субъекта, и наоборот. Поэтому прямой, непосредственной связи между чувственным материалом и теоретической картиной объекта нет. Данные непосредственного чувственного созерцания объекта совсем не обязательно должны быть включены в его теоретическую картину.

Данные чувственного созерцания становятся объектом научного исследования только при осуществлении субъектом познания соответствующих им форм предметно-практической деятельности, когда строятся специальные экспериментальные установки, в которых соответствующие ощущения определенно-

ти материальных явлений детерминируют ход и результат эксперимента. Если говорить, например, о цвете, то одной из первых предпосылок его теоретического освоения было установление Ньютоном экспериментальным путем того важного положения, что лучи разных цветов характеризуются разной преломляемостью. Чувственно фиксируемые цветовые различия оказались связанными с экспериментально фиксируемыми различиями.

Изложенное позволяет утверждать, что в общем случае данные чувственного созерцания не являются абсолютно исходным пунктом познания. Явления, которые необходимо объяснить в процессе познания, как правило, это те определенности и их связи, которые проявляют фрагменты объективной реальности в экспериментальных установках, в системах взаимосвязанных материальных явлений, искусственно созданных или выделенных субъектом познания. Эти определенности, детерминируют ход эксперимента, совсем не обязательно становятся чувственно воспринимаемыми. Чувственно воспринимается лишь тот или иной исход эксперимента, по которому исследователь судит о наличии у познаваемого фрагмента объективной реальности некоторой определенности или о ее конкретно количественном выражении.

Нельзя утверждать, что чувственное созерцание в процессе познания доставляет нам некоторый абсолютный, неизменный в своем значении материал. Как уже говорилось, роль чувственного созерцания сводится к фиксации хода и результата эксперимента, причем для возможности этой фиксации необходимы специальные устройства, преобразующие эти результаты в чувственно воспринимаемые явления. Конечно, в этих явлениях тоже так или иначе проявляется сущность исследуемого фрагмента объективной реальности, но это может быть сущность более высокого порядка, которая не необходима для объяснения того объекта, который выявился в процессе конкретной предметно-практической деятельности субъекта познания. Непосредственный предмет познания составляют те явления, определенности которых открыты в процессе специально организован-

ной предметно-практической деятельности, а не в процессе одной только чувственно-предметной деятельности.

Не случайно на первых этапах развития научного познания значительная часть элементов чувственно данной картины действительности оказалась вне теоретического обоснования. Лишь часть ощущений, соответствующих "первичным качествам", могла быть синтезирована из принятых тогда механико-геометрических определенностей. В ходе исторического развития научного познания, по мере развития предметно-практической деятельности субъекта познания в фрагментах объективного мира были найдены те определенности, на основе которых оказалось возможным осуществить исчерпывающий синтез чувственных данных в том смысле, что были выявлены те определенности предметов, которые вызывают такие ощущения как вкус, цвет, запах и т.д. Соответственно, различие между "первичными" и "вторичными" качествами, ранее трактовавшееся как абсолютное, перестало быть таковым [см. 12, с. 101-115].

Поскольку чувственное отражение должно нам свидетельствовать о результатах предметно-практической деятельности, то данные чувственного созерцания всегда опосредованы теми теоретическими положениями, которыми управляется эта деятельность. И только в этом опосредованном виде данные чувственного созерцания дают нам факты для построения теории.

В философской литературе оправедливо подчеркивается, что ощущения сами по себе не истинны и не ложны, а верно показывают нам вещи [см. 6, с. 192]. Истинным или ложным становится наше осмысление ощущений. Достоверность чувственного отражения не вызывает сомнений и "ошибки" чувственного восприятия вызваны применением рациональных форм, поспешным и неадекватным объяснением этих восприятий. Однако эта достоверность в общем случае может относиться к тем определенностям фрагмента объективной реальности, которые не входят в ту "схематизацию" фрагмента объективной реальности, которая выявляется в процессе конкретной предметно-практической деятельности субъекта.

В порядке итогового вывода данной статьи отметим, что ни одна из сторон познания не остается непосредственной остальными сторонами познания — ни субъект со своими исторически обусловленными материальными и духовными средствами познания, предшествующими данному конкретному акту познания, ни фрагмент объективной реальности, взятый вне конкретных форм предметно-практической деятельности, т.е. не преобразованный в форму объекта, ни первоначально данный чувственный материал в его исходном, не опосредованном рациональным уровнем виде, ни рациональное со своими относительно априорными идеями и средствами построения схем объяснения, ни предметно-практическая деятельность субъекта в ее фиксированном, не обусловленном сущностью объекта виде. Абсолютизация любой из этих сторон, т.е. превращение ее в абсолютную, неизменную точку отсчета ведет к отрицанию принципа отражения, к искажению реальной картины познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20.
3. Алексеев И.С. О значении ленинского принципа совпадения диалектики, логики и теории познания для разработки философских вопросов естествознания. — В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973.
4. Алексеев И.С. Принцип детерминизма и физическая картина реальности. — В кн.: Философия и естествознание. М., 1974.

5. Антология мировой философии. М., 1970, т. 2.
6. Ведин Ю. П. Разработка В. И. Лениным проблемы познавательной роли ощущений. - В кн.: Вопросы философского наследия В. И. Ленина. Р., 1970.
7. Восприятие и действие. М., 1967.
8. Горский Д. П. Определение. М., 1974.
9. Зинченко В. П., Вергилас Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.
10. Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977.
11. Коллинз П. В. Марксистско-ленинская теория познания и современная наука. - В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973.
12. Коршунов А. М. Теория отречения и творчество. М., 1971.
13. Лазарев Ф. В. Абстракция и реальность. - Вестник Московского университета. Философия, 1974, № 5.
14. Ломсадзе Ю. М. Квантовая теория и современная естественно-научная картина мира. - Философские науки, 1977, № 1.
15. Моторные компоненты зрения. М., 1975.
16. Пивоваров Д. В. Предметность и операциональность научного знания. - В кн.: Объективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.
17. Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.
18. Стойкович А. Отражение и практика. - В кн.: Актуальные проблемы марксистской философии (сборник статей югославских авторов). М., 1974.
19. Kangra Milan. Was denkst du, Philosoph? - Praxis, 1965, № 1.

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЙ МЫШЛЕНИЯ

Термин "категория" широко употребляется как на страницах философской литературы, так и в литературе по специальным наукам. В переводе с греческого "категория" означает высказывание, причем "греческие философы имели здесь в виду не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственности, высказывание о нем чего-то весьма важного, внутреннего и существенного" [12, с. 472]. Основателем учения о категориях принято считать Аристотеля, хотя уже в индийской философии и в философских построениях пифагорейцев встречается сложная иерархия категорий.

"Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание" [2, с. 6]. Так начинается анализ категорий Аристотель, ограничив их число десятью. Однозначного определения термина "категория" в его работах нет. Грамматический анализ, из которого исходит Аристотель, дает основание считать, что под категориями понимались части речи. Однако часто термин "категория" употреблялся им для обозначения основных родовых понятий об объективном мире. Последнее и легло в основу традиции трактовать категории с позиции формальной логики, как вид понятий, как наиболее общие понятия. С развитием философии подверглось изменению и то содержание, которое вкладывалось в термин "категория". Но традиция оказалась устойчивой. По сути дела до сих пор большинство опре-

делений не выходит за рамки аристотелевского понимания категорий. Вместе с тем, при исследовании роли категорий в процессе познания возникает целый ряд трудностей, для преодоления которых традиционная точка зрения оказывается недостаточной и требуется новое осмысление проблемы категорий. С этой целью представляется необходимым проследить основные пути ее решения.

На страницах нашей философской литературы сформулировано три более или менее четких направления в понимании природы категорий. Это, во-первых, уже упомянутое традиционное направление. Поскольку в нем природа категорий не становится объектом специального изучения, постольку категории и понятия не различаются и употребляются как синонимы. Эта позиция нашла отражение в различных философских словарях, в учебнике по философии [10, с.128], на нее ссылаются как на общепринятую [14, с.193].

Данное направление не является однородным. В нем можно выделить два течения. Согласно первому из них, категориями являются фундаментальные, наиболее общие понятия наук или ряда наук. Стало привычным говорить о категориях политической экономии, кибернетики, эстетики и т.д. В рамках частных наук подобный взгляд не вызывает особых нареканий, поскольку термин "категория" не несет здесь какой-либо иной смысловой нагрузки помимо простого обозначения основных понятий данной науки. Вопрос тут чисто терминологического характера.

Совсем иное дело в философии. Утверждение, согласно которому "категории - основные и наиболее общие понятия наук" [12, с.472], вносит путаницу в понимание соотношения философских понятий и понятий специальных наук. В свою очередь, это часто приводит к стремлению "дополнить" или даже заменить философское понятие пониманием какой-либо специальной науки. Так, в частности, происходит, когда понятия "отражение" и "информация" употребляются как равноценные. Отсюда возникает необходимость в однозначном употреблении терминов. И это становится отличительной чертой второго течения, которое

рассматривает соотношение понятий и категорий в плане разграничения философских понятий и понятий частных наук. Под категориями также понимаются наиболее общие понятия, но уже только философии. Признак всеобщности является основным для зачисления того или иного понятия в ранг философской категории: "... статус последних (философских категорий - В.З.) органически связан с признаком всеобщности..." [3, с.107], "понятие, претендующее на роль философской категории, должно прежде всего быть достаточно общим, даже всеобщим понятием" [9, с.207]. Следовательно, можно заключить, что понятия философии, традиционно именуемые категориями, должны быть всеобщими. Однако критерий всеобщности оказывается недостаточным для определения категорий, поскольку только часть философских понятий отвечает этому условию. Налицо явное противоречие между традиционным пониманием категорий и признаком всеобщности. Возможны лишь два выхода из создавшейся ситуации: либо иной подход к изучению категорий, что в рамках традиционного направления представляется невозможным, ввиду отождествления категорий и понятий, либо отказ от признака всеобщности. Последнее оказывается предпочтительней: "... предельную общность нельзя рассматривать как необходимое и достаточное условие для определения категорий вообще" [13, с.9-107]. Отсюда делается вывод, что не существует сколько-нибудь эффективного определения категорий, поскольку отсутствует критерий для подобного определения: "... вопрос об определении категорий решается конкретно в каждую историческую эпоху, и не существует эффективного определения, позволяющего решать вопрос о принадлежности к философским категориям тех или иных понятий, отвлекаясь от конкретно-исторических условий, в которых существует и функционирует данная философия. [13, с.107].

Однако в приведенном рассуждении не отражена специфика категорий. Изучение природы категорий сводится к вопросу о соотношении общенаучных и философских понятий, то есть к другой проблеме. Действительно, когда речь идет о понятиях фи-

лософии, то дело тут вовсе не во всеобщности. На это указывал Тодор Павлов: "Напрасно некоторые думают, что философия выясняет, уточняет, развивает общие и наиболее общие понятия о материи, пространстве, причинности и т.д. Достаточно посмотреть на все современное естествознание, чтобы убедиться, что оно также изучает и развивает дальше общие и самые общие понятия о материи, пространстве, времени, причинности и т.п." [II, с. 334]. Следует особо подчеркнуть, что здесь говорится о характере философских понятий, а не категориях как таковых. Именно то, что в рамках традиционного направления не осознается различие между понятиями и категориями, приводит к невозможности раскрыть природу последних. Вопрос о специфике категорий, отличии их от понятий не является терминологическим, а именно так, явно или не явно, решается он традиционным направлением. В результате возникают противоречия, которые для данного подхода оказываются неразрешимыми.

Для второго направления категории становятся объектом специального рассмотрения [см. 7;8;14;15] и исследуются с точки зрения их роли в познавательном процессе. Это дает возможность проанализировать природу категорий в ее существенных характеристиках, отметить ее специфику по отношению к суждениям, понятиям.

Такой подход реализуется, в частности, В.И. Шинкаруком [см. 15]. Подчеркивается, что именно категории "формируют связи между субъектом и предикатом в суждении и между суждениями в умозаключении по содержанию" [15, с. 16]... "по принципу всеобщей и необходимой связи" [15, с. 120]. Следовательно, роль категорий в процессе познания отлична от роли в нем понятий. Лишь на основе категорий становится возможным формирование суждений и понятий. Но оказывается, что если остановиться только на констатации этого факта, без выявления механизма формирования знания на основе категорий, то их специфика ускользает. Так и происходит, когда категории объявляются формой (видом) знания, знанием "всеобщих сторон и отношений предметной действительности" [15, с. 143]. Хотя

признается, что "категории еще не дают нам конкретного знания отдельных предметов" [15, с.142], но принципиальное отличие от знания уже отсутствует. Ведь понятия и суждения, которые имеют своей основой категории, так же являются формами знания. Что же представляют собой собственно категории? Вопрос остается открытым. Действительно, "категории исторически сложились как форма мышления на базе общественной практики в процессе формирования понятийного состава мышления и грамматического строя языка" [15, с.144], но определить их как форму/вид/ знания - значит отрицать за ними особую, специфическую роль в процессе познания. В результате стирается та грань, которая отличает категории от форм знания.

Поскольку данные соображения изложены в связи с критикой взглядов Иммануила Канта, а именно он первым обратился к изучению специфики категорий, то необходимо кратко остановиться на его понимании природы категорий.

Чрезвычайно оригинальная разработанная Кантом концепция формирования знания. Согласно Канту, знание становится возможным лишь на основе синтеза данных чувственного созерцания и деятельности рассудка, последняя заключается в способности составлять суждения: "Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, рассудок можно вообще представлять как способность составлять суждения" [8, с.167]. Логическая же функция суждения представляет собой "то действие рассудка, которым многообразное в данных представлениях (все равно, будут ли они созерцательными или понятиями) подводится под апперцепцию вообще..." [8, с.199]. Эта функция выполняется категориями: "Категории же суть не что иное, как именно эти функции суждения, поскольку многообразное в данном созерцании определено в отношении их" [8, с.199]. Категории - "понятия о предметах вообще, благодаря которым созерцание его рассматривается как определенное с точки зрения одной из логических функций суждения" [8, с.189]. Следовательно, синтез осуществляется на основе категорий, которые

формируют и предмет познания и знания о предмете.

Кантом вводится различие между "мыслить" и "познавать": "Мыслить себе предмет и познавать предмет не есть... одно и то же. Для познания необходимо иметь, во-первых, понятие, посредством которого вообще мыслится предмет (категория), и, во-вторых, созерцание, посредством которого предмет дается" [В, с. 201]. Если же категория не отнесена к предмету созерцания, то она лишь "мысль по форме", но не вид знания: "Мысль о предмете вообще посредством чистого рассудочного понятия не может превратиться у нас в знание лишь тогда, когда это понятие относится к предметам чувств" [В, с. 201]. Категории - это чистые рассудочные понятия, которые хотя и обладают содержанием, но сами по себе познавательной ценности не имеют. Представляя собой направленность мышления на предмет, они лишь предпосылка возникновения знания, но не само знание. "Категории не образы предметов, а схемы" [В, с. 223], схемы образования знания. "Категория уже предполагает связь" [В, с. 191], а посему категории входят в знание как элемент внутренней структуры его содержания, определяющие принадлежность мысли к тому или иному категориальному отношению (вещи и свойства, единичного и общего и т.п.). Отсюда вытекает принципиальное отличие категорий от любого вида знания. Являясь схемой образования знания, составляя его внутреннюю структуру, категории сами по себе знанием не являются. Из этого исходит различие между формальной логикой и логикой трансцендентальной: "Трансцендентальная логика не хочет подобно формальной, быть логикой объема понятий, а скорее желает исследовать те вещественные отношения, которые устанавливаются между понятиями с помощью различных форм деятельности суждения" [В, с. 59]. Под вещественными отношениями здесь понимаются отношения категориальные, осуществляющие внутреннюю связь содержания знания.

Поскольку у Канта категории "суть лишь формы мысли без объективной реальности" [В, с. 202], постольку между ними и объективной действительностью устанавливается непреходимая

пропасть. Далее категории не исследуются и их наличие в познающем мышлении просто констатируется. В результате Кант вынужден постулировать их априорность, хотя вопрос о происхождении категорий не является для него до конца решенным. Таким образом, категории, согласно Канту, это чистые рассудочные понятия, внешние по отношению к чувственным созерцаниям. А отсюда принципиальная невозможность выявить их действительный источник.

Не дает Кант и удовлетворительной системы категорий. Проводя различие между формальной и трансцендентальной логиками, он вместе с тем выводит категории из таблицы суждений, беря за основу своих рассуждений современную формальную логику. Заслуга Канта в другом - в изучении механизма формирования знания, в оценке той роли, которую играют категории в этом механизме. Подход, предложенный им, который в рабочем порядке может быть назван функциональной трактовкой категорий, в корне отличается от их традиционного понимания и заслуживает дальнейшей разработки на диалектико-материалистической основе.

В этом плане представляется перспективным третье направление в исследовании категорий, то есть понимание их "не как понятий (пусть и предельной степени общности), а как схем образования суждений, как элементов внутренней структуры знания..." [4, с. 97].

Помимо внешней, логической структуры, изучаемой формальной логикой, содержание знания обладает имманентной категориальной структурой. Концитуальная картина конкретной области предметной действительности включает в себя в качестве своей внутренней структуры, принадлежность к тому или иному категориальному отношению (причинно-следственному, сущности и явления и т.п.). Категориальная структура отражает универсальные стороны и связи объективной действительности, категории - элементы этой структуры. Они выполняют роль схемы образования знания, посредством категорий мир в нашем мышлении дан через призму всеобщего.

Познавательное значение категории приобретают лишь в процессе применения, действия. Вне этого процесса они пустые абстракции, поскольку категориальная структура сама по себе еще не определяет материалистической или идеалистической, диалектической или метафизической направленности мышления.

Пронизывая знание, категориальная структура, однако, формой (видом) знания не является. Она имманентна любому содержанию мысли, а не только истинному познавательному образу, знанию. Познавательную ценность категории имеют как внутренняя структура знания, как элемент, компонент знания. Определение категорий как особых форм знания вырывает их из этой связи, а вне ее бесплоден разговор о роли категории в процессе познания, о их специфике. Категории могут выполнять познавательную функцию лишь будучи компонентом знания. Тут нельзя не привести известного положения Гегеля: "... члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они представляют собой то, что они представляют собой, лишь в единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами" [6, с. 227]. Не лишне вспомнить и комментарий Энгельса по поводу этого высказывания: "Части лишь у трупа" [1, с. 528].

Приобретая познавательную ценность как элемент знания, как его внутренняя структура, категории соотносятся с предметной действительностью не непосредственно, а через систему знаний о ней, через понятийный строй мышления. В этой системе знаний, понятийном строе мышления, благодаря которому категории получают ту или иную направленность, можно выделить два уровня - концептуальный уровень (или онтологическая картина мира) и методологический.

Концептуальный уровень составляют, во-первых, философские понятия, определяющие материалистическую или идеалистическую

тическую направленность познания, во-вторых, общенаучные понятия и, наконец, понятия частных наук. Концептуальная картина мира, являясь знанием о нем, имеет единую категориальную основу. Отсюда и философия, и частные науки оперируют не категориями, а понятиями различной степени общности и направленности. Категории же — схемы этих понятий, определяющие их принадлежность к какому-либо виду универсальных отношений.

Методологический уровень представляет собой знание о категориях и систему принципов по его применению, определяющую диалектическую или метафизическую ориентацию познания. Знание, понятие о категориях не есть категории. Как и в любой другой отрасли знания, категории здесь — внутренняя структура содержания. Развитие знания о категориальной структуре, о принципах ее функционирования, позволяет полнее и глубже познать отраженные в ней универсальные законы и формы связи предметной действительности.

Таким образом, следует различать знание и характер деятельности мышления на основе которого оно формируется. Категориальная структура, отражая универсальные стороны и связи предметной действительности, приобретает познавательное значение как схема знания. Она имманентна любой форме знания, представляя ее компонент, внутреннюю структуру, однако сама знанием не является.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20.
2. Аристотель. Категории. М., 1939.
3. Аскин Я.Ф. В.И. Ленин и проблема соотношения философских категорий с понятиями частных наук. Доклад на научной конференции по теме "Ленинский этап в развитии марксистской философии". /Ленинград, 16-19 дек. 1969/. М., 1969.
4. Ведин Ю.П. Учение Канта о чувственном опыте. - В кн.: Вопросы теории познания диалектического материализма. Р., 1976.
5. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб., 1905, т.2.
6. Гегель Г.В.Ф. Соч. М.-Л., 1929, т.1.
7. Деборин А. Гегель и диалектический материализм /вступительная статья/. - Гегель Г.В.Ф. Соч. М.-Л., 1929, т.1.
8. Кант И. Критика чистого разума. - Соч. М., 1964, т.3.
9. Маилов А., Хасанов М. Философские категории и познание. Ташкент, 1974.
10. Основы марксистско-ленинской философии. М., 1972.
11. Тодор Павлов. Избранные философские произведения. М., 1962, т.3.
12. Философская энциклопедия. М., 1962, т.2.
13. Чечельницкая Е.К. Об определении категорий и их систематизации. - В кн.: Вопросы философии и социологии. Л., 1973, вып.5.
14. Шашкевич П.Д. Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени. М., 1976.
15. Шинкарук В.И. Теория познания, логика и диалектика Им.Канта. Киев, 1974.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ
ОБЪЕКТИВНОСТИ

Одним из центральных философских понятий является понятие объективности. Данное понятие является как бы "сквозным", так или иначе затрагивающим все категории. Понятие объективности "работает" достаточно эффективно, если его правильно использовать. В противном случае оно не только не работает, но и запутывает конкретные проблемы, превращая их в спор о словах. Марко писал, что употребление одних и тех же терминов в различных смыслах неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке [см. : 8, с. 228]. В то же время определенность философской терминологии позволяет если и не в полной, то в значительной степени избежать этих неудобств, позволяет некоторые спорные философские вопросы не только корректно поставить, но и наметить пути их решения.

Имеющиеся в нашей философской литературе работы связаны, как правило, с исследованием либо одного из аспектов диалектики объективного и субъективного, либо преимущественно с общим анализом соотношения данных категорий. Основной задачей предлагаемой статьи является анализ специфики применения понятия объективности к некоторым конкретным областям действительности.

Нечто обладает свойством объективности, если оно удовлетворяет одному из трех условий: 1) существует вне сознания; 2) существует независимо от сознания; 3) существует вне и независимо от сознания. Здесь и далее мы интерпретируем сознание в широком смысле, как все относящееся к идеальной сфере, к психике человека вообще. Условие "существовать независимо от сознания" нудается в дополнительных разъяснениях. Мы, например, говорим о практике как существующей вне сознания (иначе она не была бы деятельностью материальной), но не независимо от него. В чем состоит зависимость практики от сознания? Мы говорим об истине как таком содержании человеческих представлений, которое не зависит от субъекта. В чем состоит независимость истины от сознания? Ответ на эти вопросы предполагает выяснение смыслового значения выражений "зависеть от сознания" и "не зависеть от сознания".

Нередко утверждается, что понятия объективного и субъективного образуют такую дихотомию, которая позволяет мысленно охватить все существующее. Это верно, если терминами "объективное" и "субъективное" обозначать соответственно сферу объективной реальности (материальный мир) и сферу субъективной реальности (психика человека). Но указанные значения данных терминов не являются единственными. Более того, вряд ли язык философии содержит термины столь неоднозначные по своему смысловому значению, как эти термины. В последующем изложении мы будем исходить из понимания объективного и субъективного как важнейших характеристик, свойств, отношений всей действительности, т.е. как материальных, так и идеальных явлений, а дихотомию всего существующего представим понятиями материального и идеального бытия.

Рассмотрим некоторые аспекты специфики применения понятия объективности к материальной и идеальной сферам бытия.

Материя и ее атрибуты существуют не только вне сознания, но и независимо от него. В ленинском определении материи имеется прямое указание на оба эти признака [см. 9, с. 131]. Но понятие материального бытия (материи) включает в себя и

социальную форму движения материи, т.е. то, что мы называем сферой общественного бытия. "Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимо от сознания. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания..." [9, с.346]. "Ункционирование сферы общественного бытия невозможно вне и помимо общественно-исторической практики человека. В чем состоит специфика объективности практической деятельности?"

Наряду с природой, существующей вне и независимо от сознания, общественно-историческую практику человечества вполне правомерно интерпретировать как особую сферу объективного, особую разновидность движения материи. Если первая разновидность объективного существовала, разумеется, и до возникновения человека, то практическая деятельность невозможна без субъекта деятельности, т.е. человека. Практика — это процесс взаимодействия между человеком и внешним миром. Разумеется постановка целей, составление программы и плана практических действий происходит непосредственно в сфере сознания человека. Без этого никакая практическая деятельность не была бы возможна. В то же время мы не имеем оснований утверждать, что элементы сознания (идеального) присутствуют в самой практике. Практическая деятельность — это реальное преобразование природы и общественного бытия. А реальное преобразование чего-либо предполагает наличие именно материальной силы, направленной на объект преобразования.

Может ли в качестве материальной силы выступать нечто идеальное? Как аргумент в пользу утвердительного ответа на этот вопрос иногда используется высказывание Маркса из "Введения к критике гегелевской философии права": "...Теория становится материальной силой как только она овладевает массами" [2, с.422]. Ссылка на Маркса в данной связи не представляется убедительной. Дело в том, что данное высказывание принадлежит к числу так называемых "эллиптических" (т.е. сокращенных) выражений, в которых опущены некоторые звенья. Какие звенья опущены у Маркса? Первое. Теория (идея) может

стать идеальной силой при условии, если массы этой теорией (идеей) овладели. Об идеальной силе (силе идеи) именно в этом смысле писал Энгельс в одной из своих ранних работ [см. I, с. 444-445]. Второе. Идеальная сила теории (идеи), которой массы овладели, при определенных условиях может побудить массы к активным действиям. Третье. Претворение массы данной теории (идеи) в жизнь необходимо предполагает применение материальной силы.

Такая интерпретация представляется правомерной, если, во-первых, не вырывать приведенного высказывания Маркса из контекста, и, во-вторых, учитывать написанное им по этому вопросу в других работах. Маркс всегда отдавал известное предпочтение "критике оружием" перед "оружием критики". Младогегельянцы дело преобразования общества пытались свести лишь к "мозговой деятельности" [3, с. 94-95], борясь не против действительного мира, а только против фраз-этого мира. Маркс же неоднократно подчеркивал, что не критика, а революция является движущей силой истории [5, с. 37, с. 18], и что если, например, "для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма", то "для уничтожения... частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие" [1, с. 606].

В структуре практической деятельности необходимо различать объективный и субъективный аспекты. Если объективное в практике совпадает с материальным, то субъективное в практике нельзя отождествлять с идеальным, как это нередко делается. Существовая вне индивидуального человеческого сознания, практика тем не менее связана с последним определенной зависимостью, которая выражается в целенаправленном, осознанном характере человеческой деятельности. В этом смысле правомерно характеризовать как субъективный любой вид человеческой деятельности: и духовной, и материальной. Но из того, что практика является деятельностью субъекта, вовсе не следует, что в практику необходимо включать элементы сознания субъекта. Известная противоположность идеального и материального

не исчезает никогда, ~~дело~~ вне пределов основного вопроса философии. Практика как объективный процесс материальной деятельности сама по себе не содержит в своей структуре непосредственно элементов сознания субъекта этой деятельности, но тем не менее "регулируется" именно посредством целеполагающей деятельности сознания. По-видимому, в этой связи правомерно говорить о субъективном, но не идеальном аспекте практической деятельности, поскольку "субъективное" и "идеальное" имеют в данном случае различное смысловое содержание. Тезис Маркса о том, что действительность должна рассматриваться не только как объект, но и субъективно, т.е. как человеческая чувственная деятельность", практика [4, с. 17], означает, что субъективность (как активность субъекта в познании) является одним из важнейших условий адекватного отражения действительности. Практика является активной деятельностью субъекта, и в этом смысле - деятельностью одновременно и субъективной, и материальной. В таком понимании практическое и субъективное отношения человека к миру совпадают.

Объективность идеального бытия носит иной характер, нежели объективность материального бытия. Если "существовать" вне сознания" является необходимым условием объективности материального бытия, то объективность идеального бытия связана с выполнением условия "существовать независимо от сознания". Рассмотрим характер этой независимости применительно: 1) к чувственной стороне познания; 2) к познавательному образу в целом.

Дают ли нам ощущения и восприятия верное отображение действительности? Рационалисты и сенсуалисты дают на этот вопрос соответственно отрицательный и положительный ответы. Известно, что рационалисты, не отрицая чувственной стороны познания в качестве источника "темного" знания, главным источником знания считают разум (рассудок) познающего субъекта. Сенсуализм, напротив, признает в качестве не только главного, но и единственного источника наших знаний ощущения. Правомерно ли данную посылку сенсуализма совместить с

утверждением, что чувства могут нас вводить в заблуждение (хотя бы иногда)?

На этот вопрос придется ответить отрицательно. В.И. Ленин характеризовал ощущение как непосредственную связь сознания с внешним миром [см. 9, с. 46], подчеркивал, что ощущение носит непосредственный характер [см. 10, с. 253].

"Вводить в заблуждение", "обманывать" — это значит что-то утверждать или отрицать. Однако в чувствах ничего не утверждается и не отрицается. Кант писал, что чувства вообще ни о чем не судят [см. 11, с. 336], а Фейербах отмечал, что у созерцания "нет принципов" [12, с. 197].

Но даже если считать ощущения осмысленными, то и тогда не будет оснований сомневаться в том, что чувства нас никогда не обманывают. Для доказательства противоположного положения нередко приводятся примеры, аналогичные примеру с палкой, опущенной в воду и кажущейся нам надломленной. Утверждается, например, что в этом случае зрение создает иллюзию, будто палка надломлена, хотя сцепление ее частиц осталось прежним [см. 16, с. 75]. Однако этот пример доказывает как раз обратное: чувства нас обманули бы, отобразив палку не надломленной. Действительно, хотя палка, опущенная в воду, и представляется сознанию в образе надломленной палки, чувственный образ палки верно отображает видимость ее надлома согласно объективным законам преломления световых лучей. "Винновником" же иллюзии является в данном случае не зрение, а обобщающая способность нашего мышления. Причина иллюзии не в ошибке чувств, а в ошибочном истолковании чувственных данных. Еще Фихте писал, что чувство никогда не заблуждается, а способность суждения заблуждается, неправильно изъясняя чувство [см. 13, с. 120].

Если бы чувства могли давать неверное отражение действительности, то, кроме всего прочего, возникло бы сомнение в показаниях органов чувств и надо было бы поставить вопрос о существовании дополнительного источника знаний. Между тем В.И. Ленин писал: "Первая посылка теории познания, несомненно,

состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущение" [9, с. 127]. В основе теории познания марксистской философии лежит принцип сенсуализма. И не просто сенсуализма, а материалистического сенсуализма. И не просто материалистического сенсуализма, а диалектико-материалистического сенсуализма, предполагающего единство эмпирического и теоретического уровней научного познания. Кстати, именно поэтому объектом критики должен быть не сенсуализм как таковой, а либо идеалистический сенсуализм, либо метафизический (как идеалистический, так и материалистический) сенсуализм, приводящий в итоге к эмпиризму. Сенсуализм в теории познания, если он не связан с идеализмом или эмпиризмом (или с тем и другим), является единственно правильным исходным принципом в решении основных вопросов гносеологии.

Итак, если чувства нас не обманывают, значит содержание отражения, даваемое нам посредством форм живого созерцания (ощущения и восприятия) не зависит от сознания и носит поэтому объективный характер. Правда, в некоторых аспектах можно говорить и о субъективности форм живого созерцания. Имея в виду один из этих аспектов, В.И. Ленин (вслед за Фейербахом) характеризует ощущение как "субъективный образ объективного мира" [9, с. 120]. "Иных чувств, как человеческих, т.е. "субъективных"... не бывает", — пишет Ленин в другом месте [9, с. 113].

Из данного свойства объективности чувственной стороны процесса познания вытекает неприменимость к ощущениям и восприятиям истинностных оценок. Действительно, если чувства не могут заблуждаться, т.е. не могут быть "ложными", то они не могут быть оценены и как истинные. Существует мнение, что такая позиция означает принижение роли чувственной стороны процесса познания и не согласуется с материалистической теорией отражения. Нам же представляется, что распространение области истинностных оценок на чувственные формы отражения основано, с одной стороны, на расширительном толковании самой истины, а с другой стороны — на излишне "вольной" трактовке

роли ощущений и восприятий в процессе познания. Такие выражения, как "ощущения содержат в себе объективную истину", "ощущения выражают объективную истину" и т.п. - уместно употреблять в некотором переносном значении, в том смысле, что ощущения являются единственным источником знаний и без ощущений никакое познание вообще не было бы возможным. Но употребление этих выражений в их прямом смысле является по крайней мере неточным и, кроме всего прочего, повторяет известные неточности некоторых домарксистских материалистов по данному вопросу. Например, излагая свою точку зрения на природу объективной истины, объективности познания вообще, Фейербах всюду оперирует понятием "чувственность", "ощущения", употребляет такие выражения как "истинность чувственности", "чувственность есть действительность", "истинность есть то же самое, что действительность, чувственность" [см. 12, с.188; 12, с.182].

Существо проблемы в достаточной степени очевидно, если иметь в виду, что при наделении статусом истинности тех или иных форм отражения необходимо принимать во внимание не только сам факт соответствия образа сознания внешнему миру, но также (и это главное в данном случае) наличие осознания этого соответствия. Если оценить познавательные возможности ощущений и восприятий с таких позиций, то следует безусловно указать на отсутствие какого-либо "осознания" чего-либо в формах живого созерцания. "И истина; и ошибка... имеют место... только в отношении предмета к нашему рассудку", - подчеркивал Кант [II, с.336]. Когда речь идет о познании, то мы подразумеваем сознание различия между образом объекта и самим объектом, формы же непосредственного чувственного отражения такого различия не содержат. Поэтому по отношению к чувственным образам живого созерцания более уместным было бы применение характеристики "верное" отображение, а не "истинное" [см. 14, с.193]. При этом понятия "верный" и "истинный" мыслятся соотносенными по объему как родовое понятие к видовому: истинный образ действительности является в

то же время и верным, но не всякий верный образ (например, чувственный образ) может быть определен как истинный.

Некоторые авторы ссылаются на известные высказывания Энгельса [см. 7, с. 303-304] и Ленина [см. 9, с. 132, 134, 109-110], якобы подтверждающие возможность применения истинностных оценок к формам чувственного отражения. Конечно, признание объективной истины предполагает обязательную интерпретацию ощущений в качестве верных образов внешнего мира, но из этого не вытекает необходимости определения чувственных форм отражения как истинных или ложных. Не позволяет сделать такого вывода и анализ контекста указанных извлечений из произведений классиков марксизма, ибо речь в данном случае идет об ощущениях и восприятиях лишь как о единственном источнике познания и непосредственной связи сознания с внешним миром. Об истинности ощущений и восприятий можно, с одной стороны, говорить лишь при условии соединения их с определенной оценкой отношения к отражаемому объекту, а оценка эта может быть дана только на уровне рациональных форм отражения, в основе которых лежит чувственное отражение как единственный источник познания. С другой стороны, и мысли сами по себе, поскольку они лишь выражены в языковой форме, рассматриваются без наглядной интерпретации своего содержания, не могут быть квалифицированы в качестве познавательных образов вообще [см. 15, с. 5-6]. В этом в частности, находит свое проявление последовательное проведение принципа единства чувственного и рационального по вопросу о возможности применения истинностных оценок в отношении чувственных форм отражения.

Существование объективной истины В.И. Ленин связывал с наличием в человеческих представлениях такого содержания, которое не зависит от субъекта [см. 9, с. 123]. В этом отношении независимости и состоит главное отличие истины от заблуждения: содержание адекватного отражения объекта не зависит от субъекта, если последним реальные связи и отношения действительности воспроизведены в соответствии с тем, как обсто-

ит дело вне и независимо от субъекта познания. Напротив, говорить о подобной независимости в отношении заблуждения не представляется возможным: содержание неадекватного отражения в значительной степени обусловлено именно абсолютизацией субъектом тех или иных реальных моментов познания, поспешностью обобщений и выводов об объекте познания и т.д.

В этом и только в этом смысле безусловная объективность истины противостоит безусловной субъективности заблуждения. Феномен заблуждения можно было бы исследовать с точки зрения его объективных оснований, так как содержание ложного суждения тоже является отражением действительности. Аналогично содержание истины можно было бы исследовать с точки зрения ее субъективных оснований, так как содержание истинного познавательного образа не является абсолютно независимым от субъекта. С чем связано отсутствие этой абсолютной независимости?

Упрекая Энгельса в непоследовательности и нерешительности за допущение абсолютной истины ("эклектизм" Энгельса), Богданов объявляет признание абсолютной истины догматизмом [см. 9, с. 123-140]. Напротив, самому Энгельсу пришлось полемизировать с Дюрингом как раз по вопросу абсолютизации последним вечности и неизменности "подлинных" истин [см. 6, с. 85-96]. Известно, что эта борьба на два фронта, которую вели Энгельс и Ленин по вопросу об истине, вытекала из метафизической абсолютизации Дюрингом и Богдановым одного из реальных моментов процесса познания, в то время как необходимо было "диалектически поставить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины" [9, с. 135].

Действительно, если под знанием понимать только совокупность определенных уже достигнутых и зафиксированных в нашем сознании результатов, то об относительности истины можно было вообще не говорить. С учетом принципа конкретности все истины (т.е. наличное знание) являются в этом смысле неопровержимыми ("вечными"). Не случайно В.И. Ленин, говоря об истине как "результате объективно-верного отражения",

одновременно использует понятия "объективная", "абсолютная", "вечная" истина [9, с. 198]. В этом смысле ни одна объективная истина не может быть опровергнута ни в настоящем, ни в будущем: "... То, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина...", и изменить этого не могут никакие будущие обстоятельства [9, с. 146]. Но знание - это в то же время результат определенного процесса познания. В этой связи не имеет смысла говорить как раз об абсолютности истины, поскольку все истины, оказываясь "включенными" в бесконечный процесс познания, будут постоянно развиваться, углубляться последующим развитием знания. Именно в этой связи В.И. Ленин писал, что пределы каждого положения относительны, будучи то раздвигаемы, то сужаемы дальнейшим ростом знания [см. 9, с. 137].

Иногда говорят, что абсолютный момент объективной истины ("абсолютная истина") состоит в ее неопровержимости, тогда как относительный момент объективной истины ("относительная истина") допускает частичное изменение, дополнение, опровержение своего содержания в будущем. Видимо, речь должна идти о неопровержимости и опровержимости истины в одно и то же время, но в разных отношениях. Неопровержимой является любая конкретная истина относительно своего объекта. Конечно, и объект познания не остается неизменным, но адекватное отражение объекта в другое время и в других условиях будет уже другой истиной об изменившемся объекте и, следовательно, также истиной неопровержимой. В то же время любая конкретная истина не остается неизменной относительно субъекта познания, точнее, относительно уже достигнутого уровня знаний об объекте. Таким образом, понятие объективной истины совпадает с понятием абсолютной истины в отношении результата, аспект отражения и с понятием относительной истины в отношении процессуального аспекта отражения. Всякий процесс складывается из промежуточных результатов, а всякий результат предполагает наличие предшествующего и последующего процессов. Поэтому относительное в истине предполагает аб-

солютное, абсолютное предполагает относительное, так что " не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной" [9, с.132]. В реальном процессе познания истина - это диалектическое единство результата и процесса, абсолютного и относительного моментов.

Из сказанного вытекает, что объективность истины следует связывать прежде всего с ее абсолютным моментом. Критикуя релятивизм Богданова, В.И. Ленин подчеркивал, что нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая объективной истины [см. 9, 124]. Именно наличие абсолютного момента в истине дает основание утверждать о независимости содержания истинного познавательного образа от субъекта. В то же время относительное в истине - это именно ее определенная зависимость от субъекта познания, которая, как отмечалось, выражается в постоянном расширении познавательных горизонтов субъекта. Признание относительности наших знаний означает не отрицание объективной истины, а историческую условность пределов всякой объективной (абсолютной) истины.

Таким образом, при использовании понятия объективности для характеристики практической и познавательной деятельности необходимо учитывать, что категориальные дихотомии "материальное - идеальное" и "объективное-субъективное" не совпадают полностью ни по объему, ни по своему смысловому содержанию. Когда мы противопоставляем материю, как сферу объективной реальности, сознанию в целом, как сфере субъективной реальности, то термин "объективное" имеет смысловое содержание, по сути дела однопорядковое с понятием материального. Если же речь идет о субъектно-объектных отношениях, термин "объективное" выражает иное смысловое содержание. В зависимости от вида субъектно-объектных отношений объективность процессов и результатов человеческой деятельности может иметь либо материальную природу (практика), либо идеальную природу (истина). Учет специфики материального и идеального планов объективного позволяет эффективно использовать понятие объективности в практической и познавательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. I.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. - Соч., 2-е изд., т. 2.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. - Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., т. 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Соч., 2-е изд., т. 3.
6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20.
7. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию "Развития социализма от утопии к науке". - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 22.
8. Маркс К. Капитал. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23.
9. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн. собр. соч., т. 18.
10. Ленин В. И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т. 29.
11. Кант И. Критика чистого разума. - Соч. М., 1964, т. 3.
12. Фейербах Л. Основные положения философии будущего. - Избр. филос. пр-я, М., 1955, т. I.
13. Фихте И. Г. О назначении ученого. М., 1935.
14. Вегин Ю. П. Разработка В. И. Лениным проблемы познавательной роли ощущений. - В кн.: Вопросы философского наследия В. И. Ленина. Р., 1970.
15. Вегин Ю. П. Истинность и правильность мышления. - В кн.: Вопросы теории познания диалектического материализма. Р., 1973.
16. Селиванов Ф. А. Истина и заблуждение. М., 1972.

ИНВАРИАНТНОСТЬ ФАКТА В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО
ЗНАНИЯ

Под фактом мы будем понимать исходный, "первичный" элемент наших знаний, отражающий на уровне эмпирических данных те или иные события, процессы, явления объективного мира и сознания. Эмпирические данные — это совокупность всех наблюдаемых и экспериментальных сведений, которыми располагает субъект познания на определенном этапе своей исследовательской деятельности.

Результаты наблюдения и эксперимента содержат в себе информацию, относящуюся к различным компонентам, из которых складывается познавательная ситуация. Иначе говоря, они являются функцией многих переменных. Можно выделить не менее семи переменных и записать сказанное в следующем виде:

$$P = P(q, r, u, w, x, y, z), \quad (1)$$

- где P — множество наблюдаемых и экспериментальных данных;
 q — состояние объекта;
 r — характер и состояние средств наблюдения, эксперимента;
 u — условия наблюдения (эксперимента);
 w — состояние субъекта;
 x — ранее полученная информация, относящаяся к объекту исследования;
 y — элементы исходных теорий, используемых в процессе протоколирования факта;
 z — артефакты.

Задача состоит в том, чтобы из всего комплекса наблю-

дательных и экспериментальных данных выделить информацию, характеризующую (а) только объект исследования, (б) только существенные стороны объекта в отличие от его преходящих состояний, случайных ситуаций и т.п. Короче говоря, нам нужно редуцировать исходную запись (I) и привести ее к виду, соответствующему целям исследования:

$$P' = \Phi(q), \quad (2)$$

где P' - данные, отвечающие целям исследования;
 q - информация, характеризующая состояние объекта;
 Φ - некоторая логико-гносеологическая функция.

Мы должны редуцировать исходное множество, т.е. совокупность полученных данных, устранить избыточную информацию и таким образом реконструировать действительный факт, а не его преломление в той или иной познавательной ситуации. Для решения этой задачи помимо всех других операций необходимо перейти от q к q' , т.е. выделить во множестве данных, относящихся к изучаемому объекту, такие сведения, которые характеризуют существенные стороны интересующего нас объекта, а не какие-нибудь эфемерные его состояния. В символической записи:

$$q' = \Phi(q), \quad (3)$$

где q' выражает эмпирическое знание, имеющее статус факта и соответствующее целям исследования P' . Путь к нему сложен и противоречив. Действительно, простая элиминация всех элементов, "отягощающих" познавательную ситуацию, здесь просто невозможна. Мы не можем исключить ни самого наблюдателя, ни приборы (если цель исследования без них не достижима), ни среду, в которой действует субъект, решая познавательную задачу, и т.д. В этих условиях объективность знания достигается посредством генерализации (обобщения) указанных факторов, т.е. создания таких ситуаций, по отношению к которым интересующий нас факт будет обладать инвариантными свойствами, а также путем минимизации помех и другими исследовательскими приемами. Рассмотрим поставленные вопросы более детально.

Начнем с объекта познания. Поведение объекта, зафикси-

рованное тем или иным способом, мы обычно расцениваем как факт. Насколько это поведение выражает природу объекта? Ведь можно запротоколировать какую-то экстраординарную ситуацию, "возбужденное" или, наоборот, "угнетенное" состояние и принять его за норму. Переменная q принимает значения q_1, q_2, \dots, q_i , которым соответствуют различные состояния объекта. При достаточно большом числе исходных данных используются методы статистического анализа. Обычно эксперимент ставится с целью минимизации возмущающих факторов. Это - один из способов получения инвариантных характеристик. Он применяется тогда, когда объекты исследования отличаются упорядоченностью.

Но часто более эффективным оказывается другой путь. Объекты изучаются в экстремальных ситуациях. "Необходимо поставить материю, - писал В. Гейзенберг, - в необычные условия, чтобы изучить ее превращения в этих обстоятельствах, надеясь познать тем самым определенные фундаментальные черты материи, которые сохраняются при всех ее видимых изменениях" [4, с. 121]. Современная наука проявляет все больший интерес к сложным, нерегулярным системам. Математическая статистика стимулировала развитие особого метода экспериментирования с такими системами, получившего название рандомизации. Случайные факторы в эксперименте не "подавляются", а "поощряются", т.е. вводятся специально. Исследователь намеренно создает случайные ситуации, чтобы всесторонне проверить поведение объекта и получить наиболее достоверные факты. "Программу эксперимента стали составлять специалисты по математической статистике так, чтобы рандомизировать (т.е. сделать случайными) те систематически действующие факторы, которые трудно поддаются учету и контролю, с тем, чтобы можно было рассматривать их как случайные величины и, следовательно, учитывать статистически. Такой подход чужд традиционному пониманию эксперимента, изучавшего хорошо организованные системы. Там предполагалось, что изучаемое явление можно отделить от мешающих факторов со сколь угодно большой точ-

ностью. Переход к изучению сложных- диффузных-систем заставил усомниться в реалистичности такого подхода" [7, с. 50]. Рандомизация - это способ получения инвариантных характеристик путем максимизации случайных возмущений.

В инструментальных ситуациях объективные инварианты обнаруживаются субъектом с помощью приборов, которые сами должны обладать инвариантными характеристиками. Средства наблюдения и экспериментирования требуют генерализации так же, как и объекты исследования. Все приборы данного класса должны быть эквивалентными по своим техническим возможностям. " Мы можем исходить всегда только из относительного, - писал М. Планк. - Все наши измерения имеют относительный характер. Материал инструмента, которым мы работаем, обусловлен месторождением, из которого он происходит, его конструкция обусловлена умением техника, который его придумал, обращение с ним обусловлено теми конкретными целями, которых хочет достигнуть экспериментатор с его помощью. Речь идет о том, чтобы во всех этих данных обнаружить то абсолютное, общезначимое, инвариантное, что в них заложено" [8, с. 20]. Приборы не должны вносить в картину мира каких-либо хаосогенных элементов. В этом смысле приборы являются инвариантными устройствами, передающими информацию от объекта к субъекту, когда последний не в состоянии воспринимать ее своими естественными органами чувств. Усовершенствование техники измерений и развитие теории измерений дают возможность получить достаточно надежные количественные характеристики в самых различных областях окружающего нас мира. Надежность экспериментальных данных значительно возрастает, если одни и те же результаты получены с помощью различных установок. Уникальные эксперименты, не воспроизводимые на той же установке в иное время, на других установках того же рода и т.п., в науке не рассматриваются.

Следующий фактор - условия наблюдения и эксперимента. Имеются в виду различные системы отсчета - пространство, время, состояние движения, материальная среда и т.п. факты фикси-

руют в явлениях инвариантное относительно условий, в которых они изучаются. Было бы неверно утверждать, пишет Г.Бонди, что "наука должна следовать предписаниям и правилам, одинаковым для всех времен. Вместе с тем я склоняюсь к мысли, что известного рода повторяемость экспериментов, всегда необходима для прогресса науки... Достаточно заметить, что в какой бы форме ни реализовалась идея повторяемости, под этим всегда подразумевается независимость от таких частных обстоятельств, как момент времени, положение в пространстве или состояние движения. Очевидно, чем большая степень независимости от самых разнообразных обстоятельств принимается, тем легче построение физики" [3, с.23]. Это относится не только к физике, но в принципе к любой науке. Если бы все факты были связаны только особыми, неповторимыми обстоятельствами, то никакая наука не была бы возможна, поскольку абсолютно тождественных ситуаций не наблюдается. У.Росс Эшби писал в данной связи: "...Науку мало интересуют факты, которые достоверны только для данного конкретного эксперимента, выполненного в данный отдельный день; она ищет обобщений, ищет высказываний, которые были бы истинны для каждого из целого множества экспериментов, проводимых в различных лабораториях при различных условиях. Открытие Галилеем закона движения маятника представляло бы мало интереса, если бы оно было достоверно только для того самого маятника в тот самый день. Своим огромным значением это открытие объяснено именно тому, что оно истинно для обширной области времени, пространства и материалов. Наука ищет повторяющееся" [10, с.173-174].

Сказанное совсем не означает, что при анализе конкретных фактов в какой-либо области не следует учитывать условий, места, времени и т.п. Речь идет лишь о том, что уже на уровне эмпирического знания за единичным, индивидуальным надо находить общее, за вариантным и изменчивым - инвариантное, устойчивое. Если мы имеем дело с большим числом однородных фактов, событий, то выборка определенного их подмножества в целях изучения всего множества должна отвечать условию репрезентативности. Мы редуцируем исходное множество, но так,

чтобы его свойства остались неизменными. Значит, идея репрезентативности основана на принципе инвариантных преобразований.

Рассмотрим вопрос о необходимости "генерализации" самого субъекта-наблюдателя, экспериментатора. Если какой-либо эффект обнаружен всего лишь одним человеком, и в дальнейшем эта ситуация оказалась не воспроизводимой, то, по-видимому, мы имеем дело с ошибкой, иллюзией и т.п. Любой экспериментальный или наблюдательный факт должен быть инвариантным относительно замены одного наблюдателя другим - при равных условиях в смысле возможностей детектирования и протоколирования фактов. Короче говоря, наука решительно отвергает идею "уникальных" наблюдателей ("кто-то" видел летающие тарелки, чудовище из озера Хали-Несс или снежного человека, был свидетелем необыкновенных явлений в районе Бермудского треугольника). Она смотрит на мир глазами "обобщенного" наблюдателя, и эта истина подразумевается при описании любого строго установленного факта.

При изложении современных физических теорий, таких как теория относительности и квантовая электродинамика, нередко используется в явном виде образ наблюдателя, причем "обобщенного". Так, в квантовой электродинамике формулируется требование, согласно которому понятие вакуума вводится при условии, что обозначаемое им состояние является инвариантным относительно "подстановок" в множестве всех наблюдателей [9, с. 53]. В данном случае образ наблюдателя сливается с определенной системой отсчета, и речь идет здесь об инвариантности вакуума как физического феномена относительно изменения условий его наблюдения. "Обобщенность" наблюдателя выражает в этом случае генерализацию систем отсчета.

Информацию, относящуюся к изучаемому объекту и характеризующую его существенные стороны (q'), необходимо декомпозировать (разложить на составные элементы), поскольку она включает в себя две различающиеся по отношению к данному эксперименту части - априорную и апостериорную. Термин "априорная информация" обозначает здесь все сведения об изучаемом объекте, которые имелись у исследователя до начала

эксперимента. Апостериорная информация - это данные, полученные в ходе экспериментирования (наблюдения). Познавательный процесс никогда не начинается с нуля, даже если объектом исследования являются какие-то очень "странные" предметы. Подробно тому как в процессе материального производства на готовый продукт переносится стоимость исходных материалов, так и в процессе познания мы синтезируем априорную и апостериорную информацию:

$$q' = X + X', \quad (4)$$

где X - априорная информация;

X' - апостериорная информация.

Знак плюс в формуле (4) выражает некоторый достаточно элементарный или весьма сложный - способ соединения, синтеза априорной (исходной) и апостериорной (полученной вновь) информации. Тривиальным случаем является чисто количественное приращение информации, нетривиальным - качественный переход от X к X' . Задача анализа состоит в том, чтобы выделить эти компоненты в структуре факта, представив результат исследования (X') в чистом виде. В конечном отчете необходимо установить инвариантные связи и отношения, соединяющие априорную и апостериорную информацию. Можно представить себе некий обобщенный факт, который дает "проекцию" на начальную и конечную фазы исследовательского цикла (независимо, будет ли этот цикл связан с конкретным экспериментом или целым периодом в развитии науки).

Как нечто протокольно-достоверное, факт не зависит от возможных интерпретаций. Иначе говоря, он обладает свойством инвариантности по отношению к ассимилирующим его теориям. Только поэтому факты могут выполнять верифицирующую функцию в системах теоретического знания. "Поскольку факт - это то, с чем соотнобразуется теория, то важнейшим признаком факта является его инвариантность относительно всех логических преобразований, совершающихся над ним. Он сохраняется как индивидный объект во всех системах научного знания..." [6, с. 54-55]. Задача "кристаллизации" факта, т.е. реконструкции действительного события, а не его "проекция" на какую-либо концептуальную схему, - дело во многих случаях весьма

сложное. Идентификация факта осуществляется неизбежно через призму тех или иных теорий, адекватность которых постулируется.

Возьмем, например, закон инерции, согласно которому движение тел, предоставленных самим себе, является равномерным и прямолинейным. Если скомпенсировать силы трения, сопротивление среды и т.п., то этот закон можно проверить экспериментально. Однако данный факт относится лишь к движению тел в евклидовом пространстве. С точки зрения теории относительности (ОТО) события, которые мы связываем с инерционным движением (знания о них), вообще говоря уже не являются фактами, поскольку движение тел в ОТО осуществляется по геодезическим. Как же быть с инвариантностью факта относительно включения его в различные теоретические системы? Она остается и здесь, принимая специфическую форму. Дело в том, что в локальных областях пространства-времени, где поле тяготения можно считать однородным, инерционность движения сохраняется.

Физические и другие теории, относящиеся к одному и тому же объекту, но различающиеся по уровню абстрагирования, имеют в своей основе нечто общее. Это общее опирается на какое-то исходное фактическое знание, которое можно назвать инвариантным эмпирическим базисом. Подчеркнем, что инвариантный эмпирический базис выражает инвариантность факта и по отношению к различным интерпретациям в рамках единой концепции (волновой и матричный варианты квантовой механики) и по отношению к развивающимся теоретическим системам. Определенная часть известных ныне фактов останется инвариантной в структуре любой возможной их интерпретации, иначе пришлось бы констатировать наличие абсолютных разрывов на пути движения научного знания. Теории пространства, например, исторически разрабатывались на разных уровнях абстракции, которым соответствует ньютоновская механика, специальная и общая теория относительности. Несмотря на различную глубину проникновения в сущность изучаемого объекта, своеобразие языка и формальных средств, эти теории раскрывают некоторые общие, инвариантные, в частности топологические, свойства пространства-вре-

мени, отвечающие какому-то подмножеству в множестве всех фактов, принадлежащих данной области. Для обозначения того минимального эмпирического "остатка", который лежит в основании теоретических систем, относящихся к одному и тому же объекту, в имеющейся логико-методологической литературе предлагалось название инвариантного фактора. Заметим, что инвариантные элементы в структуре научного знания могут устанавливаться как формальными средствами (теория групп, комбинаторика), так и неформальными (содержательный анализ).

Наконец, процедура декомпозиции экспериментальных данных, представленных формулой (I), должна включать в себя выявление и элиминацию (точнее - минимизацию) различных артефактов, т.е. возмущающих факторов, связанных с теми или иными способами воздействия на изучаемый объект (предварительная его обработка, инструментальное вмешательство и т.п.). Любой объект исследования представляет собой систему, и вторжение в суверенную область целостных вещей и явлений не должно нарушать их системных свойств. Особую осторожность необходимо соблюдать при изучении биосистем с их ярко выраженными интегративными свойствами.

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездуть,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

Гете. "Фуст" [5, с. 116].

К артефактам мы не относим тот своеобразный синтез микрообъектов и макроприборов, который теоретически санкционирован квантовой механикой в виде принципа дополнительности Бора, соотношении неопределенности Гейзенберга и т.п.

Наличие вполне надежных фактов, свидетельствующих в пользу той или иной теории, отнюдь не исключает, а наоборот, предполагает существование потенциальных "фальсификаторов" т.е. фактов, которые противоречат данной теории. Факты являясь средством не только фиксации, стабилизации законов и теорий, но также их релятивизации. Ф. Энгельс следующим образом описывает генезис новых законов в науке: "Наблюдение откры-

вает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон" [2, с. 555]. Так, факт зависимости массы тела от скорости его движения, установленный еще до разработки специальной теории относительности, поставил под сомнение второй закон механики и потребовал его обобщения. Классическая механика оказалась применимой лишь в области сравнительно небольших скоростей (момент релятивизации теории в гносеологическом смысле). Эмпирический базис исходной теории сужается, но расширяется экспериментальная основа, на которой строится здание физической теории вообще.

Каждая теория имеет свой эмпирический базис, инвариантный относительно всех "сдвигов" в пределах данной теории. В теориях различной степени общности соотношение таких инвариантов (эмпирических базисов) будет аналогичным субординации геометрий в смысле Клейна, где фундаментальные инварианты отвечают одновременно более специальным условиям инвариантности. Действительно, факт зависимости массы от скорости не противоречит тому, что при малых скоростях масса практически остается неизменной. Значит, "фальсификаторы" не уничтожают исходную теорию, а лишь ограничивают сферу ее применимости, отодвигают в область "предельных" ситуаций. Таким путем уточняется инвариантный эмпирический базис существующих научных теорий. Релятивистскими инвариантами являются обычные, классические значения массы, длины и времени (масса и длина покоя, собственное время); правда, они оказались при этом экстремальными величинами. Классическая физика ошибалась здесь не очень сильно: величины, которые мыслились неизменными, и остались таковыми в контексте новейших теорий, только сама неизменность понимается теперь глубоко и основательно — как инвариант релятивистских преобразований.

Следует подчеркнуть, что изучение фактов требует системного подхода. Единичный, изолированный факт, вырванный из целостной эмпирической картины, не может получить адекватной интерпретации, - в этом случае мы вынуждены конструировать теории *ad hoc*, т.е. специально по данному поводу. Любой факт есть системный элемент, входящий в эмпирический базис той или иной теории. По отношению к теориям, созданным по принципу *ad hoc*, факт уже не отвечает условию инвариантности. Системный характер факта мы можем представить в следующем виде:

$$p' \in S, \quad (5)$$

где S - некоторое системное эмпирическое знание;
 \in - знак принадлежности элемента множеству (в данном случае - системе).

Особые трудности возникают при изучении фактов в области общественной жизни, где каждое событие, явление содержит в себе индивидуальное, неповторимое. Тенденциозный подбор фактов ведет к сильным деформациям картины, соответствующей действительному положению вещей. В.И. Ленин писал, имея в виду буржуазную статистику: "В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. ... Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем похуже. ... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться...". [I, с. 350]. Здесь указаны такие важнейшие методологические требования к анализу фактов, как объективность и системность (целостность, связность).

Инвариантность факта - необходимое условие для достижения объективности эмпирического знания, на основе которого строятся адекватные теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Статистика и социология. - Полн. собр. соч., т. 30.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 339-626.
3. Бонди Г. Гипотезы и мифы в физической теории. М., 1972.
4. Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963.
5. Гете. Фауст. М., 1957.
6. Косолапов В.В. Факт как основание научного знания. - В кн.: Логика научного исследования. М., 1965.
7. Налимов В.В. Теория эксперимента. М., 1971.
8. Шпани М. Единство физической картины мира. М., 1966.
9. Тиррунг В.Е. Принципы квантовой электродинамики. М., 1964.
10. Зибби У. Росс. Введение в кибернетику. М., 1959.

НАГЛЯДНОСТЬ И ПРОСТОТА МОДЕЛЕЙ

Обычно, давая определение моделей, указывают на ее наиболее характерные свойства. Чаще всего к таким свойствам относят наглядность и простоту модели по отношению к моделируемому объекту. Так например, Г. Клаус пишет: "Под моделью следует понимать отображение фактов, вещей и отношений определенной области знаний в виде более простой, более наглядной структуры" [2, с. 216]. В данном определении простота и наглядность трактуются как неотъемлемые свойства всякой модели. Такой взгляд является традиционным и достаточно широко распространенным. Кроме Г. Клауса его придерживаются В. П. Бранский, Л. О. Вальт, Г. Гебер и другие. Но единогласие по данному вопросу является в значительной степени внешним, так как и простота, и наглядность моделей понимаются по-разному. Поэтому вопрос о природе и наглядности моделей остается по-прежнему актуальным. В данной статье предпринимается попытка уточнить самую постановку этого вопроса.

Появление в арсенале науки таких моделей, которые не являются наглядными в традиционном смысле (общедоступность, простота, соответствие "здравому смыслу") привело в трактовке наглядности к появлению двух тенденций. Первая нашла свое отражение в возникновении мнения о том, что наглядность вовсе не является обязательным, неотъемлемым свойством моделей. Вторая тенденция, напротив, стала выражением стремления сохранить наглядность в качестве атрибутивного свойства мо-

делей. Последнее оказалось возможным лишь ценой пересмотра самого понятия наглядности. Согласно новой, расширенной трактовке, наглядность моделей выражается в том, что "заключенная в ней система связей или структура воплощается в форме чувственных или доступных чувственности элементов" [5, с.127]. Естественно, что при таком понимании наглядности все модели (в том числе и знаковые, которые также являются чувственно воспринимаемыми) оказываются наглядными.

Интересно отметить, что часть авторов, считая наглядность неотъемлемым свойством моделей, допускают существование ненаглядных теорий, полагая, что именно в этом состоит важнейшее отличие теории от моделей. Это мнение представляется неверным. С одной стороны, оно противоречит положению о наглядности знаковых моделей, ибо если всякая знаковая модель наглядна в силу наглядности знака как чувственно воспринимаемого элемента, то и теория, выраженная знаками какого-либо языка, должна быть наглядной. С другой стороны, всякая теория может рассматриваться как модель, так как она может заменить объект и быть средством изучения описываемого ею фрагмента объективной реальности. А следовательно, наглядная теория автоматически окажется (при вышеизложенном подходе) наглядной, не претерпев никакой трансформации.

Существенным недостатком данного подхода является и то, что его сторонники связывают наглядность с чувственным отражением, а ненаглядность, соответственно, - с рациональным. В силу относительности самого деления познания на чувственное и рациональное (одного не существует без другого) представляется нецелесообразным связывать или, тем более, отождествлять наглядность с чувственным восприятием. Наглядность есть характеристика познания в целом.

Иногда наглядность понимается как сводимость новых представлений к старым. Например, сводимость, логическое соответствие современных физических теорий классическим. Этот подход является существенно отличным от предыдущего, где наглядность понимается как доступность чувственному

восприятию. Здесь наглядность мыслится существующей в сфере мышления, как особенностью теоретико-познавательного процесса. Наглядным согласно данной точке зрения является не привычное, и не чувственно воспринимаемое, но л о г и ч е с к и выводимое из уже познанного. Положительным моментом в данном подходе является отказ от чувственной воспринимаемости как критерия наглядности. Но логическая выводимость тоже не может быть приемлемым критерием для этого. Дело в том, что наглядность может основываться не только на логическом выведении связей и отношений, но и на их интуитивном охватывании.

Связывание наглядности с чувственной воспринимаемостью имеет в качестве своего следствия и стремление отыскать некую объективную основу наглядности или даже объективную основу ненаглядности [1, с. 827].

Представляется, что при решении проблемы наглядности моделей необходимо исходить из того, что наглядность вообще не является характеристикой мира вещей. Объекты как макроскопические, так и микроскопические сами по себе не являются ни наглядными, ни ненаглядными. Наглядными или ненаглядными могут быть не объекты, а лишь наши знания о них. Это значит, что проблема наглядности лежит не в онтологическом, а в гносеологическом плане и должна решаться путем анализа специфики человеческого познания.

При рассмотрении вопроса о наглядности модели, модель должна пониматься не как квазиобъект, а как гносеологический образ. В противном случае, речь будет идти о наглядности не модели, а объекта, хотя и выступающего в качестве модели, но, тем не менее, существующего самостоятельно.

И последнее. Методологически важным при решении проблемы наглядности моделей в частности, является понимание того, что понятие наглядности имеет смысл лишь в отношении. В общем случае таким отношением является отношение между сознанием и познаваемым объектом. Один и тот же объект может фиксироваться с помощью весьма различных гносеологичес-

ких образов (моделей), как наглядных, так и ненаглядных.

Рассмотрим релятивность принципа наглядности применительно к моделям подробнее. Любая модель, как материальная, так и идеальная, опирается на гносеологический образ моделируемого объекта. Но при построении модели используется не все наличное знание о моделируемом объекте, а лишь его часть. Это приводит к тому, что гносеологический образ модели становится отличным от познавательного образа моделируемого объекта. Представляется, что решение вопроса о наглядности модели и должно идти через сопоставление этих двух гносеологических образов. И наглядной, в этом случае, будет такая модель, гносеологический образ которой сопоставим в силу "однородности" с гносеологическим образом моделируемого этой моделью объекта. Последнее оказывается невозможным, например, в том случае, когда наглядное представление о каком-либо фрагменте действительности выражено посредством некоторой системы знаков, часть которой затем берется в качестве модели для описания другого фрагмента действительности, и сопоставляется с наглядным представлением этого фрагмента. Так например, образ цифровой моделирующей установки (ЭВМ) несопоставим с образом такого моделируемого ею объекта, как доменная печь, и поэтому данная модель по отношению к данному объекту является ненаглядной. Но для этого же объекта можно построить и наглядную модель: уменьшенная копия доменной печи будет наглядно представлять ее форму. С другой стороны, одна и та же модель может быть наглядной и ненаглядной. Уменьшенная копия доменной печи будет наглядной моделью формы настоящей домы, но не будет наглядной с точки зрения ее функционирования, так как не будет давать представления о процессах, которые протекают в ней при выплавке чугуна.

Таким образом, вопрос о наглядности всякой модели должен решаться через сопоставление гносеологических образов модели и моделируемого ею объекта. Причем, всякий, даже простой объект, выступая в роли модели некоторого другого

объекта или явления, может оказаться как наглядной, так и ненаглядной моделью. Последнее, как показано, зависит от того, в отношении какого объекта данный объект выступает в роли модели. Как правило, наглядными моделями являются более простые и хорошо изученные объекты.

Важно отметить и другой, субъективный момент наглядности. Так как вопрос о наглядности решается через сопоставление гносеологических образов модели и объекта, и так как такое сопоставление производится субъектом, то модель, наглядная с точки зрения одного субъекта, может вовсе не оказаться таковой с точки зрения другого. Например, система дифференциальных уравнений второго порядка, описывающая какой-либо колебательный процесс для математика представляется весьма наглядной моделью этого процесса, в то время как для не владеющего математическим аппаратом эта модель будет ненаглядной.

Таким образом, суть изложенного подхода к проблеме наглядности заключается в том, что при решении данного вопроса модель должна рассматриваться как гносеологический объект, т.е. сопоставляться должны не объекты (модель и оригинал), а их гносеологические образы. В силу того, что такое сопоставление осуществляется познающим субъектом, проблема наглядности имеет и субъективный аспект. Показано, что гносеологический образ далеко не каждой модели сопоставим с гносеологическим образом моделируемого данной моделью объекта. Это означает, что далеко не все модели наглядны и, следовательно, наглядность не является универсальным, неотъемлемым свойством моделей.

Другим наиболее характерным свойством моделей обычно считают их простоту по отношению к моделируемому объекту. В философской литературе это положение не вызывает каких-либо возражений, хотя различное понимание того, что такое простота, порождает некоторую неоднородность в трактовке этого понятия. В специально-научной литературе положение о том, что модель всегда проще моделируемого объекта, иногда

вызывает возражение. Это объясняется тем, что часто практически используемая в исследованиях модель конструктивно сложнее моделируемого объекта. Например, при прочностном исследовании элементарного бруса может быть использована весьма сложная тензометрическая модель. Это и порождает иллюзию того, что модель не обязательно должна быть проще моделируемого ею объекта, Но это не так.

Всякая модель основана на аналогии. Сущностью аналогии является неполнота сходства. Если модель становится полностью сходной с объектом, то она теряет свое основание — аналогию, так как в этом случае имеет место уже не аналогия, а тождество. Модель, тождественная объекту, лишена смысла, ибо не имеет никаких преимуществ перед объектом. Действительно бессмысленно для познания некоторого объекта строить другой точно такой же объект, т.к. он не дает никаких преимуществ с точки зрения доступности для исследования. Модель же строится именно для того, чтобы облегчить исследование объекта. Это достигается тем, что в качестве модели строится или выбирается объект более простой, чем исследуемый.

Но термин "простота" не является однозначным. При анализе логико-методологических проблем науки говорят о л о г и ч е с к о й простоте" "...фундаментальные понятия...", которые дальше не могут быть сводимы, образуют неотъемлемую часть теории, которая не поддается рациональной трактовке. Важнейшая цель любой теории состоит в том, чтобы этих основных несводимых элементов было как можно меньше и чтобы они были как можно проще..." [6, с.183]. Но стремление к простоте как минимизации числа исходных посылок теории приводит, как правило, к необходимости введения сложного математического аппарата для выражения этой теории. Это указывает, во-первых, на относительность понятия простоты, так как простое в одном отношении оказывается сложным в другом, и, во-вторых, на наличие понятия м а т е м а т и ч е с к о й простоты. О простоте такого типа пишет А.Зоммерфельд в статье

"Современное состояние атомной физики": "Гораздо важнее, нежели наглядность, математическая простота. Суждение о наглядности теории субъективно обусловлено, суждение о математической простоте - объективно и характеризуется теми проблемами, которые теорией могут быть разрешены" [4, с. 322]. В истории науки и философии известны факты выделения и других видов простоты. Как известно, Э. Мах понимал простоту "как экономию мышления", а задолго до него У. Оккам как "принцип бережливости". Можно выделить и другие виды простоты. Но сам процесс такого выделения не столь важен. Значительно больший интерес представляет вопрос о едином основании для такого выделения, вопрос о критерии простоты.

Представляется, что в качестве наиболее общего онтологического основания (нельзя согласиться с мнением С. В. Остапенко [3, с. 34], что простота есть не онтологическая - мир сам по себе не прост и не сложен, а чисто гносеологическая категория) для дифференциации понятия простоты необходимо исходить из субстратного, структурного и функционального уровней организации материи. При этом под суб-

стратной простотой объекта следует понимать уровень его организации сообразно присущей ему форме движения - физической, биологической, социальной. Структурная простота объекта определяется количеством его элементов и связей между ними, а также числом их типов. Можно говорить и о функциональной простоте, сравнивая объекты по совокупности выполняемых ими функций.

Такая дифференциация понятия простоты позволяет отразить ее релятивный характер. Один объект (или система) может быть проще или сложнее другого не вообще, а лишь в указанных аспектах. Так например, клетка структурно проще кристалла, но она элемент живого - более высокоорганизованного субстрата и выполняет более сложные функции.

Дифференцированность и релятивность понятия простоты приводит к тому, что факт простоты моделей по отношению к моделируемому объекту не признается универсальным всеми

исследователями. Действительно, в каком-то одном или нескольких отношениях моделирующая система может быть не проще моделируемой, что часто и имеет место в конкретных модельных исследованиях. И при сведении простоты к какому-то одному ее виду (например, к структурной или функциональной простоте) простота действительно не является универсальным свойством моделей. Но при учете всех трех аспектов, при понимании простоты как субстратно-структурно-функциональной, модель всегда оказывается в каком-то одном из данных отношений не сложнее моделируемого ею объекта. Это объясняет большую (по сравнению с объектом) доступность модели познанию, и в этом смысле модель всегда проще моделируемого объекта. И лишь такая простота является неотъемлемым свойством всякой модели.

Простота как большая доступность модели исследованию определенным образом, как было показано, связана с ее конструктивной простотой, которая подразделяется на указанные выше виды. Эта связь не является простой, линейной. Но, несомненно, это прямая связь, ибо модель, имеющую большее число элементов или функций, изучать сложнее. Поэтому с точки зрения простоты познания модель должна иметь минимальное количество элементов, т.е. быть конструктивно простой. Но с точки зрения адекватности модели исследуемому объекту требуется прямо противоположное — стремление к увеличению числа элементов и функций модели до той величины, которую они имеют в объекте. Таким образом, делая модель более доступной исследованию, мы делаем ее менее адекватной объекту исследования и наоборот. Обе крайности недопустимы, ибо в одном случае мы получаем данные, которые характеризуют только модель и не имеют никакого отношения к объекту, а в другом мы вообще не получаем ничего. Сказанное не означает, что модель не только в плане доступности исследованию, но и конструктивно не может быть сложнее объекта. В практике моделирования успешно используются модели, являющиеся в конструктивном отношении более сложными, чем моделируемые ими

объекты. Это объясняется, во-первых тем, что в каком-то отношении модель все-таки проще объекта, а во-вторых тем, что часть элементов и функций модели являются хорошо изученными и потому, будучи конструктивно сложнее объекта, модель оказывается все же познавательнее доступнее. Таким образом, не конструктивная простота, а большая доступность исследованию, познавательная простота являются универсальным свойством моделей.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М., 1953.
2. Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963.
3. Остапенко С.В. Оценка теоретических систем. - Философская думка, 1973, №5.
4. Шредингер Э. Новые пути в физике. М., 1971.
5. Штофф В.А. Роль моделей в познании. Л., 1963.
6. Эйнштейн А. Собрание научных трудов; М., 1967, т.4.

В. ВИЛЬЧИНСКИИ

К КРИТИКЕ НЕОПОЗИТИВИСТСКОГО РАССМОТРЕНИЯ
ВНЕШНЕГО МИРА КАК ВНЕШНЕЙ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

В "Десяти вопросах референту", послуживших основой для публичного отмежевания марксистов от философских взглядов махистов, В.И. Ленин пишет: "... в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове..." [3, с. 5]. Диалектический материализм исходит из того, что материя (ее свойства и формы), будучи единственной реальностью, в познании, однако, противопоставляется одному из своих свойств - сознанию, субъективному миру человеческих ощущений и понятий. Все существующее, целостный мир, таким образом, в познании распадается на два мира - внешний и внутренний. Основой теории познания диалектического материализма является утверждение, что внешний мир, по отношению к субъективному его отражению, существует вне и независимо от последнего. Внешний мир не становится менее или более реальным от того, познается он или нет. Его реальность является абсолютной, безусловной, тогда как реальность внутреннего мира коренным образом обусловлена внешним миром. С проблематичностью вопроса о реальности внешнего мира в материализме (Дидро, например, указывая на абсурдность теории Беркли, одновременно признал, что человеческому разуму "к стыду своему" труднее всего ее опровергнуть) было покончено раз и навсегда после того, как Маркс показал, что "вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, - вовсе не вопрос теории, а п р а к т и ч е с к и й вопрос" [1, с. 3].

Следовательно, разум вовсе не должен стыдиться того, что он не в силах опровергнуть субъективный идеализм. Раскрывая механизм практики, как основы познания и единственного критерия истины, диалектический материализм находит связь между внутренним и внешним миром. Изолированный от практики, как указывает Маркс, спор о действительности или недействительности мышления схоластичен.

Определяя, таким образом, сущность теории познания диалектического материализма, подобная основа тем не менее далеко не дает и не может дать ответ на все дальнейшие проблемы познания. Сложность внутреннего механизма процесса познания создает особый круг относительно самостоятельных вопросов известной мере изолированных от уже решенных, таких как проблема внешнего источника познания. Эти вопросы становятся как бы внутренними проблемами познания, которые вслед за Ю.П.Вединым назовем эпистемологическими.

Он пишет: "Внешние вопросы — это вопросы об объективной основе, движущей силе и социальной функции познания, о его предмете и познаваемости реальности вне ума субъекта, о возможности для нее стать предметом познания. Основным здесь является вопрос об отношении содержания наших взглядов, представлений, теорий к объективной реальности. Внутренние вопросы теории познания — это вопросы о "механизме" познания, структуре познавательных феноменов, о путях и средствах формирования и развития знания [5, с. 80].

Правда, Ю.П.Ведин, рассматривая учение Канта о чувственном опыте, относит проблему источника познания к эпистемологическим вопросам. Сделано это, очевидно, потому, что термин "чувственный опыт", по справедливому замечанию автора, употребляется Кантом двояко; как в значении самого познания, так и в значении источника познания. Однако, предпринимая попытку разграничить гносеологическую и эпистемологическую проблематику в теории познания диалектического материализма, проблему источника познания необходимо отнести к внешним, гносеологическим вопросам. В противном случае мы столкнем-

ся с необходимостью провести существенное различие между источником познания и объективной действительностью.

Вычленив в гносеологии особую область исследования — эпистемологию, мы тем самым способствуем плодотворному анализу специфики сложного познавательного процесса. В то же время мы ни в какой степени не подвергаем сомнению внешний источник познания. Не возвращаясь к решенным т.н. "внешним" проблемам, в эпистемологической области исследования мы анализируем только процесс познания. Из сказанного следует, что в эпистемологии не стоит проблема возможности или невозможности познания внешнего мира, в этой области исследования подобные вопросы просто не поднимаются. Но если нечто подобное имеет место, что само по себе несомненно является явным и недопустимым отступлением от принятой схемы анализа, то это с необходимостью приводит к агностицизму.

Представляется очевидным, что агностицизм Канта следует считать за следствие именно такого смешения внешних и внутренних вопросов познания, гносеологии и эпистемологии. В самом деле, Кант, чрезвычайно широко толковал один из основных принципов эпистемологии: субъект "пуст", если нет познаваемых объектов, а объекты в свою очередь не существуют без познающего субъекта. Важно не упустить из виду, что внешний мир, существуя вне познания и сознания субъекта, в то же время может быть познан только при условии включения его в процесс познания. Таким образом, процесс познания вообще начинается только тогда, когда внешний мир условно теряет свою внешность и становится внутренним миром познания, разумеется, не теряя свою внешность как источник познания. Кант же представлялось, что в познании мы имеем дело с предметом, который потерял свою внешность не только по отношению к познанию, но и по отношению к сознанию субъекта познания, следовательно, по Канту, нельзя говорить также об объективности предмета познания. Странно широко известная кантовская дилемма — или существует внешний, объективный, но не познаваемый мир, или существует мир познаваемый, но уже не отделяемый

от субъекта познания. Кантовский мир "вещей в себе" действительно не познаваем, если игнорировать разницу между гносеологической и эпистемологической сторонами познания. Постулирование Кантом двух миров - ноуменов и феноменов является ответом на необоснованно выдвинутую им же дилемму. В этом заключается компромисс философии Канта, примирение материализма и идеализма (Кант ведь признает, что "вещи в себе" существуют и каким-то образом причастны явлениям).

Источник познания, материя, включаясь в познание из объективного, внешнего фактора не превращается в нечто субъективное. Объективное существует в познании и определяет, в конечном счете, все внутренние элементы этого процесса. Не возражая Канту, скажем, что знание, несомненно, субъективно, но добавим, что оно отражает нечто объективное, что не теряется в субъекте, а только видоизменяется со всеми отсюда вытекающими последствиями, как-то "огрубление", "омертвление" и т.д. Формируя знание, субъект создает образ того или другого фрагмента действительности, новую, идеальную действительность, о полном совпадении которой с отражаемой сферой не может быть и речи. Следовательно, если исходить из кантовской "вещи в себе", то приходится признать ее непознаваемость, ибо внешний мир непознаваем до тех пор, пока он сохраняет свою внешность по отношению к познанию. Бытие, материю нельзя идентифицировать с объектом познания. Источник познания всегда вне самого познания, тогда как познание предполагает вычленение субъектом объекта познания посредством активного, практического взаимодействия с определенной стороной действительности. Нетронутая человеком действительность - это неисчерпаемый источник знаний, становится объектом или, другими словами, одной из сторон процесса познания только тогда, как отмечает К. Маркс, когда сам предмет приобретает отпечаток человеческой чувственной практики.

"Включение" внешней действительности во внутренний механизм познания, посредством практики, является предпосылкой противоположного процесса, который также

совершается посредством практики и является конечной целью процесса познания, это — опредмечивание идей, "творение" ими новой, видоизмененной действительности, согласно воле и материальной деятельности людей.

Если идеалисты растворяли объект познания в познающем субъекте, раздувая, мистифицируя деятельную сторону последнего, то метафизическому материализму осталась недоступной специфика внутреннего механизма процесса познания, в частности, диалектика субъекта и объекта. Идеалисты эпистемологические закономерности распространяли не только на гносеологическую, но и на общественную проблематику. Домарксовские материалисты же, уверенные в "естественном" и согласованном с природой процессе познания не различали "внешний мир" как источник познания, с одной стороны, и объект познания, с другой. Поэтому в их оптимизме в вопросах познания внешнего мира, решаемых без учета активности субъекта, без включения бытия в процесс познания и также без учета практики, обнаруживается необоснованность и догматизм. Упрекая в этом материалистов нового времени, идеалисты тем не менее, в силу своего идеализма, не смогли указать на действительное положение вещей. Только современный материализм, свободный от абсолютизаций в "субъектно-объектных" отношениях, может с успехом решать внешние и внутренние проблемы познания. Но следует признать, что без четкого различения эпистемологической и гносеологической проблематики возможны далеко идущие, но не всегда обоснованные, выводы. Учитывая именно эту сторону философского анализа, в данной статье проделана попытка оценить одну из основных и весьма известных в нашей философской литературе концепций неопозитивизма. Это принцип рассмотрения неопозитивистами внешнего мира как внешнего вопроса философии.

Неопозитивисты неоднократно заявляли, что реальность имеет исключительно гносеологический смысл, что любые рассуждения об онтологической реальности и ее сущности являются не более как псевдопроблемой, совершенно лишенной научного смысла. Б. Рассел писал, что термин "материя" для него

означает не более как различные условные группировки данного субъекту материала.

В классе "данного" у Рассела мы находим факты чувственного восприятия, общие истины логики, веру. Веру Рассел трактует чрезвычайно широко - от телесной и психической ориентации животных до абстрактных гипотез философа. В сущности для Рассела вера - это субъективное состояние, как психическое, так и физическое, предшествующее любому опыту - телесному и духовному. Именно "вера" признана в философии Рассела произвести различие духовного и материального начал.

"Обыденный здравый смысл верит, что мы кое-что знаем о духе и кое-что о материи; он считает, далее, что того, что мы о них знаем, достаточно, чтобы показать, что они являются совершенно различными вещами. В противоположность этому я считаю, что все, что мы знаем без вывода, является психическим, и физический мир известен нам только по некоторым абстрактным чертам его пространственно-временной структуры, чертам, которые из-за их абстрактности недостаточны, чтобы показать, отличается ли физический мир по внутренне присущему характеру от духовного мира знаний или не отличается" [7, с. 258].

Вера в физические причины ощущений, по Расселу, порождается, главным образом, квазиобщественным характером многих ощущений и "усиливается также тем соображением, что если эту веру отбросить, то не остается никакого основания для признания науки в ее широких границах, а отказ от такого признания науки не является разумным" [7, с. 261]. Таким образом, физическое необходимо, разумеется только как предмет веры, в противном случае под сомнение было бы поставлено само духовное.

"Что касается меня, то я отвергаю солипсистскую альтернативу. Эмпиризм (материализм - В.В) может быть истинной философией, но если он действительно истинен, мы все-таки не можем знать этого..." [7, с. 212].

"Если физические события должны служить базой для фи-

зики и если у нас вообще есть какое-то основание верить в них, то они не могут быть полностью непознаваемыми, подобно кантовским вещам в себе" [7, с. 261].

Более того, Рассел приходит даже к признанию, что "физические факты в большей своей части не зависят не только от нашего воления, но даже от нашего опыта" [7, с. 178]. Следовательно внешний мир существует не только в перцептуальном пространстве субъекта, которое исчезает вместе с его смертью. Следовательно, этот мир познаваем, ибо физические события суть предмет физики. Перед нами явный пример несовместимости идеализма и науки. Но из этого совершенно не следует, что Б. Рассел приходит к материализму. Он пишет: "В заключение я утверждаю, что в то время, как психические явления и их качества могут быть познаны без выводов, физические явления познаются только в отношении их пространственно-временной структуры. Качества, присущие таким явлениям, непознаваемы, настолько совершенно непознаваемы, что мы не можем даже сказать, отличаются или не отличаются они от качеств, которые мы знаем как принадлежащие психическим явлениям" [7, с. 265].

Не менее скептически к проблеме существования внешнего мира подходит Р. Карнап. Он устанавливает "фундаментальное различие" между двумя сферами существования объектов. Внутренними вопросами существования он считает вопросы, касающиеся определенной, нами принятой, и по тем или другим правилам построенной языковой системы, т.е. языкового каркаса. В каркасе вещного языка "признать что-либо реальной вещью или событием - значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса". Далее он пишет: "От этих вопросов мы должны отличать внешний вопрос о реальности самого мира вещей. В противоположность вопросам первого рода этот вопрос поднимается не рядовым человеком и не учеными, а только философами. Реалисты дают на него утвердительный ответ, субъективные идеалисты - отрицательный, и спор этот безрезультатно идет

уже века. Этот вопрос и нельзя разрешить, потому что он поставлен неправильно. Быть реальным в научном смысле — значит быть элементом системы, следовательно, это понятие не может осмысленно применяться к самой системе" [6, с. 301]. Карнап отказывается даже "верить" в существование внешнего мира, ибо "вещный язык" не заставляет покинуть сферу внутренних вопросов и "это должно интерпретироваться в том смысле, что он (субъект — В.В.) поверил в реальность мира, вещей; здесь нет такой веры, или утверждения, или допущения..." [6, с. 302]. "Предложение, претендующее на утверждение реальности системы объектов, является псевдопредложением, лишенным познавательного содержания" [6, с. 311].

Карнап неоднократно утверждает, что проблема реальности объектов не теоретическая, а практическая проблема. Но это не должно никого вводить в заблуждение, так как под практикой он понимает выбор той или другой языковой системы. Акт этот, по Карнапу, может быть охарактеризован как более или менее плодотворный, эффективный, как обеспечивающий решение тех задач, которым служит язык. При этом Карнап предупреждает, что неверно было бы описывать эту ситуацию следующим образом: "Факт эффективности языка вещей есть свидетельство, подтверждающее реальность мира вещей". Вместо этого, пишет Карнап, мы скорее сказали бы: "Этот факт делает целесообразным принятие языка вещей" [6, с. 302].

Принятие определенной формы языка не может оцениваться, по Карнапу, как истинное или ложное, ибо это не является утверждением. "Таким образом, — заключает Карнап — ясно, что принятие какого-либо языкового каркаса не должно рассматриваться как подразумевающее какую-то метафизическую доктрину, касающуюся реальности рассматриваемых объектов" [6, с. 311].

Не подлежит сомнению, что неопозитивисты сводят проблему существования или реальности внешнего мира к узко эмпирическому опыту субъекта. Линия эта, восходящая еще к учениям Беркли и Юма, приобретает в логике рассуждений неопози-

тивистов видимость полного отказа от т.н. "внешнего" вопроса. Но в сущности это не более, как необоснованная претензия, ибо отказ от решения основной проблемы философии представляет из себя один из двух возможных ответов на этот вопрос, в данном случае это агностицизм. Карнап это не скрывает: "Непознавательный характер вопросов которые мы здесь называли внешними вопросами, был признан и подчеркнут уже Венским кружком под руководством Морица Шлика - группой, с которой началось движение логического эмпиризма. Под влиянием идей Людвига Витгенштейна кружок отверг тезис о реальности внешнего мира, и тезис о его нереальности, как псевдодутверждения, ... (очевидно, что явное отрицание псевдодутверждения также должно быть псевдодутверждением)" [6, с.312].

Носителем научного смысла в неопозитивизме является только материал науки, другими словами, та реальность, которая непосредственно дана субъекту в его опыте. Характеризуя эту область, неопозитивисты прибегли к таким респектабельным, с научной точки зрения терминам как "факт", "объект", "событие", "логическая конструкция" и т.д. Но суть их неопозитивистского толкования заключается в том, что они рассматриваются исключительно субъективно. Линия неопозитивизма исходящая от Беркли, характеризуется сведением "объектов" к ощущениям. Это присуще Рейхенбаху и в определенной степени Шлику и Айеру. У Рассела и Карнапа "объекты" в основном заполняются логическими конструкциями нашего ума. Но никому из тех, кто занимался исследованием и оценкой неопозитивизма, не пришла и не могла прийти в голову мысль - устанавливать на этой основе сколько-нибудь серьезные различия между упомянутыми философами. Это объясняется тем, что в противоположность широко разрекламированному неопозитивистами обещанию не вступать в область "метафизической псевдопроблематики", ограничиваясь исследованием только внутреннего механизма познания, мы обнаруживаем тем не менее повсеместный их выход за пределы эпистемологии. Именно здесь все неопозитивисты придерживаются единых взглядов. Если бы не это, не было тогда и самого неопозитивизма, одной из

модификаций субъективного идеализма, возникающей вместе с перерастанием внутренней проблематики теории познания во внешнюю, в гносеологию, а через нее - в общефилософские концепции. В самом деле, материализм и идеализм мы различаем в зависимости не от толкования того, как познается мир, а в зависимости от того, что познается, в чем заключается источник познания. Неопозитивисты по разному понимают внутренний механизм познания, от исключительной апелляции к чувственности до крайнего логицизма. В зависимости от этого, их концепции можно оценить как эмпиризм или рационализм, можно указать на метафизическую аргументацию или обнаружить в ней моменты диалектики. Тем не менее, в критических исследованиях, посвященных неопозитивизму (да и другим идеалистическим течениям) в нашей философской литературе чуть ли не в каждое суждение идейного противника оценивается как идеалистическое, тогда как подобная общая и конечная характеристика применима только по отношению к целым концепциям и разделам философского анализа. Из этого не следует, что неопозитивизм, как идеализм, может содержать в себе истинные положения, или, другими словами, что идеализм может быть истинным. Но, несомненно и очевидно, то, что истинные положения могут быть вплетены в ложную теорию, в идеализм. Более того, они могут там служить основой всевозможного "идеалистического вздора". Не следует упускать из виду, что идеализм, как писал В.И. Ленин, "... есть п у с т о ц в е т, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, все сильного, объективного, абсолютного, человеческого познания" [4, с. 322]. Поэтому, отмечая многие положения только потому, что они высказаны идеалистами, мы невольно признаем и миримся с монополией идеалистов на те или иные концепции, которые при более подробном и внимательном анализе оказались бы истинными и, следовательно, вовсе не идеалистическими. Вспомним утверждение В.И. Ленина, что в "Логике" Гегеля, в этом самом идеалистическом произведении, можно обнаружить больше всего материализма. Ясно,

что материализм не присущ идеализму Гегеля, а представляет из себя "истинное и могучее" человеческое познание, на котором паразитирует не одна гегелевская форма идеализма.

Таким образом, речь идет не о какой-то реабилитации идеализма, скорее наоборот, необходимо более обоснованное наступление на его позиции. Важно показать, что исключительно идеалистические концепции сводят на нет сам идеализм, ибо обнаруживается его практическая необоснованность, и теоретическая несостоятельность. Подобно тому, как любая ложь может существовать посредством искажения и с т и н ы, идеализм влияет на умы людей, широко манипулируя верными положениями. Именно таким образом неопозитивизму удалось создать видимость своей научности и объективности. Из факта существования двух, разумеется, тенденциозных, философских систем не следует, однако, существование двух истин относительно одного и того же объективного факта. Поэтому и происходит постоянная, вековая борьба между материалистами и идеалистами за истину. Материалисты не могут без ущерба материализму пожертвовать ни одной из истин.

Современному научному познанию свойственна чрезвычайная сложность, которая в значительной степени объясняется возрастанием роли субъекта в процессе познания. Поэтому научная философия — современный материализм, не может довольствоваться истинами, идущими еще от материализма прошлого. Исключительно новые аспекты в связи с быстрым углублением и расширением предмета исследования приобретают проблемы внутреннего механизма процесса познания. Неопозитивисты, посвятившие многочисленные страницы своих трактатов этой проблематике, подняли много реальных проблем, и это — не проблемы идеалистической философии, а проблемы современного научного знания, его философских аспектов. Одним из важнейших вопросов подобного характера является вопрос об объекте познания. Диалектический материализм здесь не может ограничиваться утверждением основных концепций материалистической теории познания. Они являются несомненно верными и обоснованными,

но в подобной проблематике несомненна также их недостаточность. Проникновение субъекта познания в глубь материи влечет за собой уплотнение взаимосвязи субъекта и объекта познания. Из этой объективной закономерности неопозитивисты спешат сделать далеко идущие выводы берклиански-книстского толка. И было бы совершенно неправильно, не различая факты и их толкование, все это уступить неопозитивизму и потом отвергнуть, как сплошной идеализм. Проникновение в микромир или охват все более широких областей мегамира связаны с изменением и усложнением самого процесса познания. В самой теории познания истины также подвижны, как и в любой другой области исследования. Неопозитивизм пользуется этим так же, как махизм незамедлил "обработать" материал, создаваемый физикой в конце XIX столетия. А неотомизм? Мало ли там толкований научных проблем, "гармонирующих" с фидеизмом? Следовательно, опровергая идеализм, важно четко различать те проблемы, от решения которых нельзя отмахнуться, уступая их идеализму.

Неопозитивисты используют как прикрытие в борьбе против материализма эпистемологическую проблематику, саму по себе реальную, важную и чрезвычайно сложную. Так они, отвергая существование объекта познания вне познания, утверждают реальную закономерность познания, и это послужило одной из причин, почему многие современные ученые капиталистических стран с интересом и надеждой следовали за неопозитивизмом, ибо в проблемах научного познания существенно необходима философская основа. Неопозитивизм, продолжая старую традицию позитивистской философии, апеллировал к научному, объективному, "антиметафизическому" исследованию, как исключительно позитивистскому принципу. Но неопозитивистский анализ философской проблематики современной науки характеризуется именно субъективистским и метафизическим подходом. Игнорируя принцип практики, неопозитивисты объективно не могут выйти за пределы внутреннего механизма познания. Поэтому они стремятся привести "всякую онтологическую проблематику" к исчезно-

вению. Термины "реальное" и "нереальное" оказываются ненужными, внешними в философском исследовании. Но это уже явный агностицизм. Дурная слава последнего заставляет неопозитивистов весьма часто все-таки употреблять такие термины, как "действительность", "реальность", но обязательно при этом они указывают на идентичность последних с объектом познания, данным субъекту фактом и т.д. Субъективно идеалистические и агностические выводы, как утверждают неопозитивисты. (и это верно), не вытекают из исследования внутреннего механизма познания, но эти выводы, по их признанию (и это тоже верно), содержатся в логике общей схемы позитивистских рассуждений. Действительно, из самого факта единства субъекта и объекта в познании не следует отрицание внешнего его источника. Такое отрицание является следствием совершенно неверного отождествления объекта познания с внешним миром, бытием вообще.

Неопозитивисты стараются создать видимость, что им удалось покончить как с агностицизмом, так и с догматизмом материалистов и идеалистов. Но на самом деле кантовский компромисс, связанный с допущением "вещей в себе", неопозитивисты заменяют бескомпромиссным агностицизмом, ибо совершенно отбрасывают внешний источник познания. Что касается догматизма, то неопозитивистские догмы — это вся та область идеалистических концепций, совершенно не подтверждающихся практикой. Само решение проблемы внешнего мира удивительно напоминает пресловутое онтологическое доказательство бытия бога. В последнем Фома Аквинский из факта наличия в сознании идеи бога устанавливал его реальное, внешне-объективное бытие. Неопозитивисты, в свою очередь, из факта отсутствия в сознании независимой от нее идеи внешнего мира, пришли к отрицанию существования внешнего мира и за пределами сознания. В нашем сознании действительно невозможно представление о внешнем мире без того, чтобы включить тот или другой его фрагмент в процесс познания. В этом суть диалектики познания. Но наличие или отсутствие определенной идеи в сознании несколько

не является доказательством наличия или отсутствия соответствующего предметного денотата в реальной, объективной действительности. Неопозитивисты, как и Фома Аквинский, исходят из противоположных, идеалистических позиций — для них нет границ между сознанием и бытием, и критерий существования внешнего бытия обнаруживается исключительно в сознании. Следовательно, не так уж далеко враги "метафизики" ушли от идеалистического догматизма, даже от наилучшей его формы — средневековой схоластики Фомы. Это не случайно, ибо подобная проблема, взятая вне практики и есть самая настоящая схоластика. Что касается "догматизма" материалистического, то с ним у неопозитивистов действительно нет ничего общего. Объявляя внешний мир как внешнюю проблему философии, неопозитивисты только сами оказались вне философии, по крайней мере, вне философии здравого смысла.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод, что критикуя неопозитивизм, как и всякий идеализм, мы можем незаметно дойти до тех истинных процессов познания, которые являются единственным фактором, придающим мощь идеализму. Не уделяя достаточного внимания подобному факту, мы вместе с идеализмом можем отвергнуть и эти объективные закономерности, что будет во вред материализму и на руку идеализму в деле нашей дискредитации. Истина постоянно эксплуатируется в идеалистических системах, и ее необходимо отвоевать у идеалистов, а не опровергать. Так, например, изблюбленный неопозитивистами тезис "в познании объект не существует без субъекта" стал предметом весьма необоснованного опровержения в нашей литературе. Подобная критика никак не может быть оценена как критика с позиций современного материализма. В свое время Энгельс заметил, что у Фейербаха находили идеализм не в том, в чем действительно он заключается. Он писал: "Если данного человека делает идеалистом только то обстоятельство, что он "следует идеальным стремлениям" и что он признает влияние на него "идеальных сил", то всякий мало-мальски.

нормально развитый человек - идеалист от природы..." [2, с. 290]. Здесь же надо сказать, что диалектика процесса познания предполагает в нем прежде всего диалектику субъекта и объекта. Как современный материализм, будучи диалектическим, может иначе решить эту проблему? Исно, что эта концепция не может стать и не станет идеалистической, сколько раз бы ни повторяли ее идеалисты. Чем более настойчиво, умело мы будем показывать необоснованность идеалистических манипуляций, с теми или другими истинами, тем скорее соответствующая форма идеализма лишится своего влияния. Наступление на идеализм, таким образом, предполагает конструктивную критику, разумеется, не для идеализма, а для развития материализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе - Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 3.
2. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. - Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 21.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн. собр. соч., т. 18.
4. Ленин В.И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т. 29.
5. Ведин Ю.П. Учение Канта о чувственном опыте. - В кн.: Вопросы теории познания диалектического материализма, Р., 1976.
6. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
7. Рассел Б. Человеческое познание, М., 1957.

Авторы статей сборника

- ВЕДИН Ю.П. - д-р филос. наук,
ЛГУ им.П.Стучки, г. Рига;
- ЛИБЕДИНЬ Э.К. - канд. филос. наук,
ЛГУ им.П.Стучки, г. Рига;
- ЗЕМНИК В.Ф. - ЛГУ им.П.Стучки, г. Рига;
- ВЕДИН И.Ф. - канд. филос. наук,
РКИИГА, г. Рига;
- МАРКОВ В.А. - канд. филос. наук,
РВВПУ им.С.С.Бирюзова, г.Рига;
- НИКИФОРОВ В.Е. - канд. филос. наук,
ЛГУ им.П.Стучки, г. Рига;
- ВИЛЬЧИНСКИЙ В.Я. - канд. филос. наук,
ЛГУ им.П.Стучки, г. Рига.

Отзывы о сборнике в целом или отдельных статьях коллектив авторов просит направлять по адресу:

226098, Рига,

бульвар Райниса, 19,

Латвийский государственный университет им. П.Стучки,
кафедра диалектического материализма.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Ведин Ю.П. Интенциональность и истинность суждения	3
2. Лиепинь Э.К. Роль предметной деятельности в познании	23
3. Земниек В.Ф. Специфика категории мышления	38
4. Ведин И.Ф. Некоторые аспекты содержания понятия объективности	48
5. Марков В.А. Инвариантность факта в структуре научного знания	61
6. Никифоров В.Е. Наглядность и простота моделей	73
7. Вильчиноцкий В.Я. К критике неопозитивистского рассмотрения внешнего мира как внешней проблемы философии	82

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА
Межвузовский сборник научных трудов

Редакторы Э. Дзешинь, Р. Довгополова
Технический редактор Е. Аверченко
Корректор Е. Аверченко

Подписано к печати 24.04.1978. ЯТ 12096. Ф/б 60x84/16.
Бумага №1, 6,5 физ. печ. л. 4,8 уч.-изд. л. Тираж 500 экз.
Зак. № 654. Цена 30 к.

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19
Отпечатано на роталпринте, Рига 226050, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П. Стучки